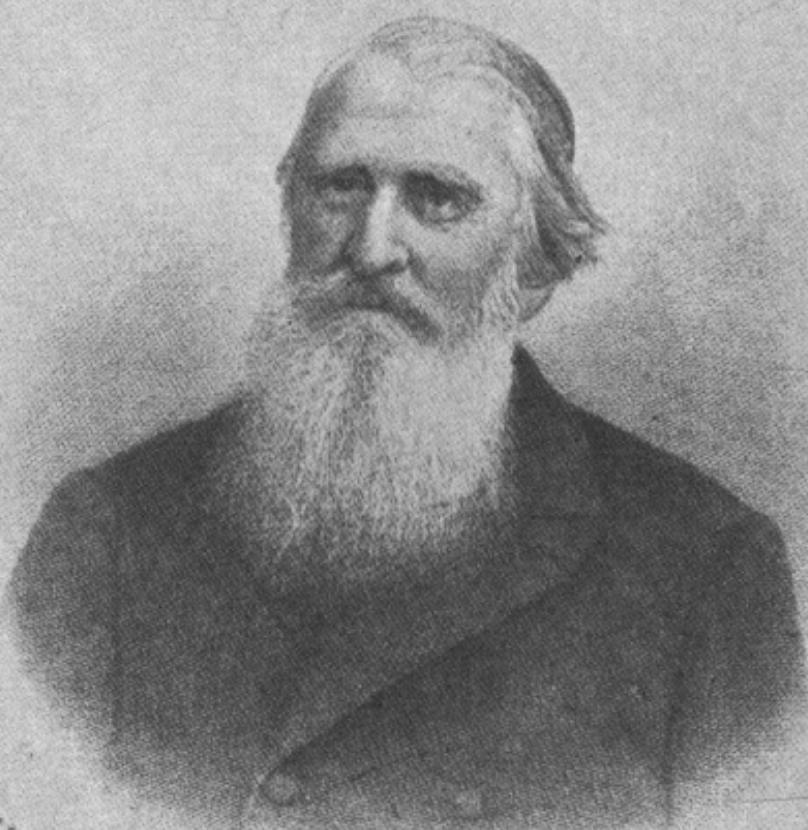


А. ПЛЕЩЕЕВ







А. Григорьев

В И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 54

А. Н. ИЛЕЩЕЕВ

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

*Вступительная статья,
редакция и примечания
Гр. Сорокина*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1937

Отв. редактор Н. Степанов.
Техн. редактор А. Кирнар-
ская. Корр. Р. Цыгальская.
Художник Р. Двораковский.
Ленгорлит № 1413. С. П.-53|Л.
Сдано в набор 3|I 1937 г. 1100пи-
сано к печати 20|III 1937 г.
Тираж 10200. Уч.-авт л. 7,3.
Бум. л. 15/8. Тип. зн. в 1 бум. л.
169000. Формат бум. 70×108/64.
Набрано в типогр. „Печатный
город“. Отпечатано в типогр.
„Советский печатник“, Ленин-
град, Моховая, 40. Заказ № 2292.

1 р. 76 к. Переплет 1 р.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

1

Алексей Николаевич Плещеев родился 22 ноября 1825 г. в гор. Костроме. Отец его, обедневший дворянин, служивший при архангельском, вологодском и олонецком генерал-губернаторе, перевелся в Нижний-Новгород губернским лесничим казенной палаты. Здесь, в Нижнем-Новгороде, про текало детство поэта.

Получившего тщательное первоначальное образование тринадцатилетнего Плещеева определили в школу гвардейских подпрапорщиков в Петербурге. В военной школе Плещеев провел полтора года и оставил ее из-за нелюбви к военным занятиям.

В 1843 г. Плещеев поступил на восточный факультет Петербургского университета, но уже в 1845 г. оставил его. К этому времени относятся и первые литературные опыты Плещеева.

Он послал Плетневу, к которому после смерти Пушкина перешло издание «Современника», свои первые стихи — «Дездемоне», «Безотчетная грусть», «Дали» и «Тени гор высоких», перевод из Рюккера.

Подражательные и во многом несовершенные юношеские стихи Плещеева выделялись своей неподдельной искренностью и благозвучием. Плетнев познакомился с автором и напечатал стихи в «Современнике» 1844 г.

У Плещеева завязываются литературные знакомства. Он посещает званные вечера А. Краевского, входит в кружок Бекетовых, где сближается с Ф. Достоевским, критиком Валерианом Майковым. В журналах той поры, в «Современнике», «Библиотеке для Чтения», «Иллюстрации», «Репертуаре и Пантеоне», «Литературной газете» и др., стали появляться стихи Плещеева. В 1846 г. выходит его первая книга стихов, в которой было помещено известное стихотворение «Вперед без страха и сомненья».

Автор «Очерков истории русской поэзии» А. П. Милюков, вспоминая о своем знакомстве с молодым поэтом, пишет в своих воспоминаниях: «Перед тем я только что прочел небольшую книжку его стихотворений, и мне понравились в ней, с одной стороны, неподдельное чувство и простодушие, а с другой — свежесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше внимание небольшие пьесы: «Поэт» и «Вперед». И могли ли, по тогдашнему настроению молодежи, не увлекать такие строфы, как, например:

Вперед, без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!

Зарю святого искуплея
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет!..»

Это стихотворение отразило революционные и гуманистические настроения автора и окружавшей его либерально-дворянской среды, увлеченной идеями западного утопического социализма.

Читатели 40-х гг. легко расшифровывали такие места, как «любви ученье», «заря искуплея», «под знаменем науки», «жрецов греха и лжи» и т. д. Это были лозунги критического отношения к крепостнической, казарменной действительности и призывы к вере в лучшее будущее, к усвоению идей утопического социализма. С особенной настойчивостью варьируется в стихах 1844—1846 гг. тема высокого гражданского назначения поэта, возвещающего «свободу и любовь»:

Мой падший дух восстал... и утесненным вновь
Я возвещать пошел свободу и любовь.

(Сон)

Выход первой книги стихов Плещеева совпал с значительным моментом в истории русской общественной мысли и литературного движения.

В 40-х гг. начался спор между защитниками «чистого» искусства и представителями

гражданской, раскрывающей общественные противоречия, «утилитарной» поэзии.

Поэзия узко личных мотивов, отгороженная от настойчивых требований времени, поэзия, лежащая вне сферы социальных интересов, отступает на задний план.

В 1845 г. славянофил И. Киреевский жалуется на печальное положение современной изящной литературы: «Читая, мы не наслаждаемся, еще меньше можем забыться». Киреевский сетует на то, что утрачена «отвлеченная любовь к прекрасным формам», что «литература заменилась другими интересами», что мы стали дельнее; что если прежде мы гонялись за стихом, за фразой, за мечтой, то теперь ищем сущности, науки, жизни».

40-е гг. откинули, по его выражению, поэзию 20-х и 30-х гг., как бесполезную, и приняли как догму утверждение Гете, что истинная поэзия есть поэзия на случай, т. е. поэзия, обращенная к действительности.

Эти жалобы свидетельствуют о переломе в требованиях к искусству, о появлении нового, враждебного Киреевскому, отношения к искусству со стороны прогрессивно-демократических кругов. Все, что не хотело критически осмыслить мрачную действительность с ее абсолютизмом, крепостничеством, принижением человеческого достоинства, все, что не звало вперед,

не могло найти отклика в передовых людях 40-х гг. Плещеев, хотя отвлеченно и книжно, все же сумел развить в своих стихах новые гуманистические темы, темы утверждения человека-гражданина.

Художественное слово, как средство пропаганды нравственных учений, поэт, как выражитель социальной истины, — таковы основные мотивы стихов Плещеева юношеского периода. Однако эти мотивы заглушились идеейной расплывчатостью стихов Плещеева, их поэтической инертностью, что и было справедливо осуждено Белинским. В обзоре литературы за 1846 г. он указал на претенциозность автора. Белинский с его проповедью поэзии, «которой не стыдно заниматься, как делом», противопоставил поэзию Кольцова, которую он назвал «капитальным, классическим произведением русской литературы», — идеино-расплывчатым и мечтательным стихам Плещеева, не отбросившего скомпрометированные романтические декорации в своей лирике («луны сияние», «звуковые октавы», «ароматный ветерок», «лазурь» и пр.).

«В наше время, — писал Белинский в своем обзоре, — стихотворений талант ни-почем — вещь очень обыкновенная, чтобы он чего-нибудь стоил, ему нужно быть не просто талантом, но еще большим талантом, вооруженным самобытной мыслью, горячим сочувствием к жизни, способностью глубоко понимать ее».

Более сочувственно к стихам Плещеева отнеслась значительная часть журнальной критики, отметившая гражданские ноты творчества Плещеева и его переводы из Гейне. Так, например, критик «Отечественных Записок», Вал. Майков, характеризовал Плещеева, как первого серьезного поэта, пришедшего в поэзию после смерти Лермонтова.

2

Следующие за выходом книги годы были для Плещеева годами напряженной литературной работы. Кроме переводов научных статей, фельетонов, критических обзоров, Плещеев печатает в «Отечественных Записках» и в «Современнике» свою первую прозу — повести и рассказы («Енотовая шуба», «Шалость», «Дружеские советы», «Папироска»).

В это время Плещеев принимает активное участие в кружке Петрашевского, объединявшем передовых представителей тогдашней интеллигенции, увлеченных вопросами социальных реформ и теориями западного утопического социализма, в особенности учением Фурье. Членов кружка объединяли критика реакционных форм русской государственности и ненависть к абсолютизму и крепостному праву. В состав кружка Петрашевского входило много писателей, среди них Ф. Достоевский, Пальм, Дуров, Львов, Ахшарумов. Но еще

большее количество лиц было с этим кружком связано (В. Майков, И. Введенский, Аполлон Майков, Салтыков-Щедрин и др.).

Плещеев был одним из наиболее ранних посетителей «пятниц» Петрашевского и одним из первых участников библиотеки в складчину. Большая часть членов кружка Петрашевского примыкала к системе утопического социализма Фурье, давшего блестящую критику современной цивилизации. Фурье проповедывал создание гармонического общества с идеальной общественной ассоциацией — фалангой, в которой создается гармоничное разделение труда и обязанностей.

Фурьеризм воспринимался участниками кружка Петрашевского как система организации человеческого счастья и как разрешение всех политических, экономических и религиозно-нравственных вопросов:

И будет вечная весна,
И для людей другая жизнь начнется —
Гармонией живой наполнится она.

Тогда изменятся и люди, и природа.

И будет на земле мир, счастье и свобода . . . —

писал в своих стихах один из петрашевцев — Ахшарумов (Будущее земли и ее обитателей. По Фурье).

Основными темами споров на «пятницах» Петрашевского были вопросы современного государственного строя, вопросы освобождения крестьян и пути к осуществлению учения Фурье в России. Но эти споры

далъше теоретических высказываний не пошли. Ряд членов кружка во главе со Спешневым, — Ф. Достоевский, Дуров, Пальм, Плещеев, настроенные более радикально, организовали свой кружок. «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма, — писал Достоевский в «Дневнике писателя». — Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда даже некоторыми из коноводов его с христианством и принимался лишь за поправку к улучшению последнего, сообразно веку цивилизации. Все эти тогдашние идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческим будущим законом всего, без исключения, человечества. Мы еще задолго до Парижской революции 48-го года были охвачены обаятельным влиянием этих идей».

Однако и кружок Дурова не ушел дальше мечтаний, хотя на собраниях и читали сочинения, запрещенные цензурой, создавались планы о тайной литографии и обсуждался самый злободневный вопрос — освобождение крестьян.

Письмо Белинского Гоголю в ответ на «Избранные места переписки с друзьями» отразило очень ярко общественные настроения этого передового литературного круга.

Плещеев переслал это письмо Достоевскому для чтения его в кружках петра-

шевцев. За участниками этих кружков правительство следило уже давно. Чтение письма Белинского, вожигательная речь Петрашевского в честь Фурье, закончившаяся словами: «Мы осудили на смерть настоящий быт общества; надо же приговор нам исполнить», призывы Ахшарумова к «уничтожению семьи, собственности, государства, законов, войска, городов и храмов» стали известны III Отделению.

Весной 1849 г. начался разгром кружков петрашевцев. Плещеев был арестован в Москве, привезен в Петербург и посажен в Петропавловскую крепость.

Одновременно были арестованы Петрашевский и другие члены его кружка (Спешнев, Дуров, Момбелли, Ф. Достоевский, Пальм, Ахшарумов и др.).

После восьмимесячного сидения в Петропавловской крепости заключенные, в том числе и Плещеев, были приговорены к смертной казни. Были сделаны все приготовления к казни и прочтен приговор, только в последний момент была оглашена замена казни каторгой.

Приговор Плещеева гласил: «За распространение письма Белинского лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы на четыре года». Принимая во внимание молодые годы поэта, приговор был смягчен: Плещеева лишили всех прав состояния и сослали на службу в отдельный оренбургский корпус рядовым.

Плещеев отправился в ссылку, где перенес все невзгоды царской казармы и муштровки. В 1853 г. Плещеева зачислили в отряд, отправлявшийся на взятие кокандской крепости Ак-Мечеть (б. Перовск, ныне Кзыл-Орда, город Казахской АССР).

За участие в штурме этой крепости Плещеев был произведен в унтер-офицеры. Зиму 1853—1854 г. он проводит в Оренбурге. Затем он, для скорейшего освобождения, добивается отправки в степь.

Гарнизонная жизнь складывалась для Плещеева очень тяжело. В ограниченной офицерской среде, малоприспособленный к серьезным жизненным испытаниям, Плещеев чувствовал себя одиноким и беспомощным. «Все одно и то же, — пишет он В. Д. Данdevиль — своему покровителю и другу в Оренбург (21 июня 1856 г.), — каждый божий день. Та же мертвая природа, те же разговоры о местных интересах, та же водка, те же карты, те же сплетни». И все же Плещеев в эти тяжелые годы изучает языки, много читает и следит за литературой.

В 1856 г. Плещеев освобождается от военной службы и в следующем 1857 г. женится на Е. А. Рудневой. В 1858 г., получив разрешение на въезд в столицы, уезжает из Оренбурга в Петербург, а с 1859 г. поселяется в Москве.

Московский период (1859—1872) жизни поэта ознаменовался выходом отдельным

изданием его «Повестей и рассказов» (1860), большей частью на материале его наблюдений в оренбургской ссылке («Пашинцев», «Отец и дочь», «Ловкая барыня» и др.). «Повести и рассказы», получившие положительную оценку критики за общее гуманистическое направление, послужили Добролюбову материалом для большой статьи о либеральном дворянстве, об излюбленном писателями-дворянами типе «лишнего человека», заеденного средой («Благонамеренность и деятельность»).

Добролюбов отмечает, что повести и рассказы Плещеева принадлежат той школе повествователей, которые воспевают платоническую любовь к общественной деятельности, тогда как время «платонических любовников либерализма» в эпоху положительности и реализма безвозвратно ушло.

Плещеев сам чувствовал, что проза его запоздала, и в письме к Суворину он просит не давать о вышедшей книге отзыва.

«Я очень хорошо сознаю, что они [«Повести и рассказы»] отзывают теперь чем-то архаическим; что на каждом шагу в них наталкиваешься на азбучные сентенции, на обличительные выпадки, на глумительные туры: имей я деньги, я бы скупил и сжег все экземпляры моей книги» (Письма русских писателей к А. С. Суворину, Лнгр., 1927, стр. 105).

С 1859 по 1872 г. Плещеев сотрудничал во многих повременных изданиях,

переводил в прозе и стихах, выпустил три издания своих стихотворений.

В 1872 г. Плещеев переселился в Петербург и вошел в состав редакции «Отечественных Записок».

До 1884 г., года закрытия правительством журнала, Плещеев вел в «Отечественных Записках» отдел стихов. Затем заведывал литературным отделом журнала «Северный Вестник», куда перешли виднейшие сотрудники «Отечественных Записок» — Короленко, Михайловский, Успенский и др.

В эти годы Плещеев тесно связан со многими крупными писателями, с молодыми поэтами. Особенно близко сошелся Плещеев с Надсоном, следя внимательно за его творческим развитием.

Его искренняя и горячая любовь к молодежи, заботливость и внимание, которыми он окружал начинающих писателей (Суриков, Гаршин, Чехов), сделали его наиболее привлекательной фигурой писательской среды. Шутливое прозвище «Падре» (отец) укрепилось за ним. В своей краткой биографии Надсон пишет: «Его [Плещеева] я считаю своим литературным крестным отцом и бесконечно обязан его теплоте, вкусу и образованию, воспитавшим мою музу». С художественной, критической оценкой Плещеева считались не только молодые поэты, как Надсон, признававшийся, что мнению Плещеева он придает большее значения, чем всем своим друзьям и

критикам вместе, но и вошедший в полосу славы Чехов.

На склоне жизни, в 1890 г., поэт получил огромное двухмиллионное наследство. Всю жизнь испытывавший сильную нужду, Плещеев, обладатель громадных денег, широко раздавал их нуждающимся литераторам. Почти никто не встречал у него отказа в денежной помощи. Литературному фонду Плещеев пожертвовал 50 000 руб. Землю своего имения отдал в безвозмездное пользование крестьянам. Огромное наследство было прожито чуть ли не в три года.

Последние годы жизни Плещеев жил подолгу за границей. Умер он в Париже в 1893 г.

3

К литературной деятельности, прерванной ссылкой, Плещеев возвращается только в 1856 г. В «Русском Вестнике» появляются его «Старые песни на новый лад».

В 1858 г., через двенадцать лет после выхода первой книги, вышла и вторая книга стихотворений. Эта книга очень ярко отразила достоинства и недостатки пле-щевского творчества.

Плещеев, возвратясь из ссылки таким же идеалистом и мечтателем, нашел уже новых людей, чуждых этой абстрактной мечтательности. Освобождение крестьян стало уже вопросом не далекого, а весьма близкого будущего. «Плещеев вернулся в

литературу, — пишет Воровский, — накануне освобождения крестьян, связанного с другими реформами, т. е. накануне осуществления того, о чем мечтало его поколение. Старая борьба исчерпывалась, но зато возгоралась новая борьба, более глубокая и острыя, для которой нужны были другие средства и другие люди».

В новой борьбе либерального дворянства и революционных разночинцев Плещеев не принял участия, но в то же время его симпатии были на стороне последних. Передовые писательские силы группировались вокруг некрасовского «Современника», виднейшими сотрудниками которого были Чернышевский и Добролюбов — вожди революционной демократии. В письме к Добролюбову от 15 марта 1860 г. по поводу переведенной им «Наймички» Шевченко Плещеев писал: «Я все-таки предпочитаю напечатать ее в «Современнике», направлению которого принадлежат мои симпатии».

В новых стихах Плещеева отразились тяжелые переживания ссылки, личная неустроенность:

Не вижу я вокруг отрадного рассвета:
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взор.
(Раздумье)

Основная тематика сборника 1858 г. это — крушение юношеских идеалов, сознание неполнценности своего творческого и жизненного пути.

Запуган мраком ночи я,
И в нем я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.
(Молитва)

Все чаще повторяются в стихах религиозно-нравственные мотивы, с помощью которых Плещеев пытается разрешить классовые и социально-экономические противоречия:

Но день придет — и стихает клевета,
И вместо криков озлобленья
В тот день великий возрожденья
Услышит дух поборника Христа
Толпы людской благословенья!
(Еще один великий)

Однако позднее, когда правительственное «освобождение» крестьян в 1861 г., сохранившее помещичью кабалу, вызвало резкие отклики революционной демократии, Плещеев дал язвительную оценку либерализму, увлечению такими абстрактными, безобидными формулами, как «судьба», «идеал» и т. п.

На сердце злоба накипела
От заученных этих фраз!
Слова! Слова! А чуть до дела —
Ни сил, ни слова нету в нас!

И в новой борьбе Плещеев приветствовал молодое поколение:

К чему напрасные сомненья:
Идите смелою стопой!
Вы не из тех, в ком увлеченья
С летами гаснет жар святой.

Эти настроения Плещеева, вызванные влиянием на него деятелей революционной демократии, оказались кратковременными. Однако, их отметил Добролюбов, отзавшийся на книгу стихов Плещеева статьей, в которой он призывает Плещеева к более решительному прощанию с либерализмом.

«Его [Плещеева] надежды также были может быть безрассудны; но все-таки они относились уже не к розе, деве и луне, они касались жизни общества и имели право на его внимание. Поэтому грусть поэта о неисполнении его надежд не лишена, по нашему мнению, общего значения и дает стихотворениям г. Плещеева право на упоминание в будущей истории русской литературы, даже совершенно независимо от степени таланта, с которым в них выражается эта грусть и эта надежда...» «... Нельзя, однако же, не пожалеть о том, что сила обстоятельств не дала развиться в г. Плещееве убеждениям вполне определенным и ровным, цельным, как говорят... В своем прошедшем г. Плещеев может найти много страстных и мощных мотивов, способных увлечь человека с душой...»

4

Плещеев был олицетворением живой связи эпохи 40-х гг. с последующими литературными поколениями и прошел свой

длинный поэтический путь как поэт двух, по-разному варьирующихся, тем.

В ранние годы его творчества это тема поэта-пророка, зовущего людей к спасительному искуплению, к идеалам туманного «прекраснодушно» понятного утопического социализма, в более поздний — тема поэта, не оправдавшего своего социального назначения. Салтыков-Щедрин в «Мелочах жизни» в образе Имя-река довольно точно изобразил облик поэта плещеевского склада: «Были слова («добро», «истина», «красота», «любовь»), которые производили на него ча- рующее действие, которые он готов был повторить бесчисленное множество раз и, слушая которые, был бесконечно счастлив. Если бы потребовали наполнить эти слова содержанием, он удивился бы, до того они представлялись ему несомненными и обязательными, до того его прельщал самый звук их». Плещеев как поэт, по выражению Суворина, никогда «не обращал оттенков в густые тени». О своей незлобивой душе говорит и сам поэт. «Помечтать я действительно всегда любил... — писал Плещеев к Суворину, — и кажется только и годен был на то, чтобы мечтать».

Свои поэтические задачи Плещеев разрешал в рамках существовавших стиховых традиций. Если в 40-е гг. условность формулировок была необходимой защитой от свирепствовавшей цензуры, и такие

поэтические формулы, как «зерно любви», «правды луч», «бой во имя идеала», «истины закон», воспринимались как художественное обобщение идейных высказываний, то в 60-х и 70-х гг. эта условная эмблематичность плещеевского стиха перестает уже ощущаться.

Далекий от сочувствия к представителям «чистого» искусства, какими являлись Фет, Майков, Мей, — Плещеев был также чужд всей системе их работы над стихом:

Боюсь ужасно, чтоб не сбиться
Совсем на майковский шаблон...
Мне был всегда противен он,
И с ним искусство не мирится..

В письме к Добролюбову (1859) он пишет еще резче: «Поэт Апухтин мне нравится... особенно же он нравится мне за живое направление; а это — при художественной форме — не малое достоинство; без нее, конечно, может выйдет, пожалуй, Розенгеймовщина; но без направления выйдет Фет (последнего времени) или Мей... а уж не знаю, что лучше Мей или Розенгейм».

Естественно, что Плещеева увлекало и порой подчиняло целиком народное творчество Некрасова своей идейной насыщенностью, реализованной не в абстрактных формулах, а в живом реально-бытовом языке, давшем русской поэзии новое звучание.

Влияние реалистической поэзии Некрасова сказалось на ряде стихов этого периода, на обращении Плещеева к бы-

товым темам, к более точной изобразительности, к ритмическому разнообразию. Таковы стихи «Родное», «Нищие», «Осень», «Скучная картина», «Ночь пролетела над миром» и др. Влияние Некрасова сказалось и на переходе к обличительной тематике и на усвоении некрасовской лексики:

Нет мне от лютого горя покоя,
Знать, никуда не уйду от него я,
Взялся бы я за свежительный труд,
Жил бы, как добрые люди живут...

Но усваивая новое звучание некрасовского стиха, Плещеев не подымается далее популяризации обличительной некрасовской темы, так же, как в ранних стихах популяризации лермонтовских мотивов.

Можно найти целый ряд таких перекличек Плещеева с Некрасовым:

Ему все мило было в ней:
И смех ребяческий, и ласка,
Ее голубенькие глазки,
И пряди светлые кудрей.

(Она и он)

Ср. у Некрасова «Прекрасная партия»:

Была ленивой в десять лет
И милою резвушкой:
Цветущ и ясен, божий свет
Казался ей игрушкой.

Или некрасовское «Средь мира дольного, для сердца вольного есть два пути» и плещеевское «Две дороги».

Сильнее, самостоятельнее Плещеев в тех стихах, где биографическая тема разрешается им в лирическом стихе, в песне. Свои циклы, написанные после ссылки, Плещеев назвал не стихами, а песнями.

Откликаясь постоянно на общественные темы, Плещеев — поэт лирического склада — ищет выхода в соединении гражданской темы с лирической напевностью, стремится к песенному звучанию стиховой речи.

Это особенно заметно в стихах последнего периода, тематически связанных со сборником 1858 г. Песенные интонации биографических стихов Плещеева позднее подхвачены были романскими стихами Блоха:

...Забыв, что ждет за ним опять ненастье,
Что горе новое готово впереди —
Благодари судьбу! Но более не жди:
Нет продолжительного счастья!

Ср. со стихами Блоха:

Безумный друг! ты мог бы счастлив быть!
Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, все равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья.

Творческий путь Плещеева отразил колебания поэта, стремящегося найти свои самостоятельные поэтические принципы. Но биографическая тема им уже была исчерпана. Подняться до радикально-демократического пафоса поэзии Некрасова, до ее реалистической силы и обобщенности, Плещеев, сохранивший свои давно

устаревшие либеральные иллюзии 40-х гг., не смог. Поиски новых путей привели Плещеева к детской литературе. Простота, большая ясность, точность в подаче темы, выход в конкретность, свободные разговорные интонации, не навязчивая, хотя и четкая, дидактическая тенденция, вытекающая из темы стихотворения, сравнительно широкий для того времени тематический диапазон, — характерны для работы Плещеева в детской литературе.

В детских стихах Плещеева еще резче, чем на «взрослых» стихах, обнаружился его гуманизм, который и был подлинной его религией, его отношение к имущему классу, к богатым и бедным, к труду:

Я не поставлю западни
Вам ни в саду, ни в поле;
И сам я знаю хорошо,
Что значит жить на воле.

(Из А. Шульца)

Своих же песен на новый лад Плещеев так и не нашел. Слишком расплывчата была его социальная позиция, не имеющая опоры ни в среде его класса, ни вне его. В письме к М. А. Маркович (1868) Плещеев писал: «Что я теперь могу писать... Что могу сказать... кто будет меня читать; кому это нужно что я скажу? Старое все сказано; а новое слово принадлежит другому, новому поколению. Остается только сочувствовать, да утешаться тем, что ты по крайней мере тормозом не служишь, враж-

дебно не относился к новому движению, подобно многим твоим сверстникам...» Плещеев ограничился только констатированием новых общественных требований и новой обстановки. Испуганный «златым тельцом» буржуазно-капиталистического развития, не сумевший найти опоры в новых подымающихся революционных силах народа, он предается мрачным настроениям:

Чего ты ждешь? Твои кумиры
Лежат повергены во прах:
На звук твоей забытой лиры
Ответа нет в людских сердцах!
Взгляни вокруг себя: служенье
Иным свершается богам;
Иные слышны песнопенья,
И опустел наш старый храм.
Все, что для нас так было свято,
Толпа глумлению предает;
Ты ей смешон, как был когда-то
Смешон несчастный Дон-Кихот.
Не верят в наши идеалы
Те, что тельца золотого чтут...
Сойди ж, ненужный и усталый,
Скорей в безмолвный наш приют.

Плещеев, до конца дней своих сохранивший «к отважной юности любовь», не в силах был бросить этой толпе «железный стих, облитый горечью и злостью», его творчество — это поэтическая биография мечтателя, одного из ранних представителей русской гражданской поэзии.

Григ. Сорокин

СТИХОТВОРЕНИЯ



ДУМА

Как дети иль рабы, преданию послушны.
Как часто в жизни мы бываем равнодушны
К тому, что сердце нам должно бы разрывать,
Что слезы из очей должно бы исторгать.
Мы плакать не хотим, мы не хотим

терзаться

И предрассудкам казнь в сомнениях искать;
Не лучше ль слепо им во всем повиноваться,
А в бедствиях судьбу спокойно обвинять,
И, мимо жертв идя шумящю толпою,
Вздыхать и говорить: так велено судьбою!
Когда же совесть вдруг, проснувшись,

скажет нам:

«Виновник бед своих — ты, жалкий
смертный, сам...

Ты глух, как истукан, на глас мой
оставался,

И, призрак свой создав, ему по виновался!»—
Вопль сердца заглушить мы поспешили
скорей,

Чтобы не отравить покоя наших дней!
Когда ж среди толпы является порою
Пророк, с могучею великою душою,

С глаголом истины священной на устах, —
Увы! отвержен он!.. Толпа в его словах
Учения любви и правды не находит...

Ей кажется стыдом речам его внимать,
И, вдохновенный, он когда начнет вещать,—

С насмешкой каждый прочь, махнув
рукой, отходит.

МОГИЛА

Листья шумели уныло
Ночью осенней сырой;
Гроб опускали в могилу, —
Гроб, озаренный луной.
Тихо, без плача, зарыли
И удалились все прочь,
Только луна на могилу
Грустно смотрела всю ночь.

После грома, после бури,
После тяжких, мрачных дней
Прояснился свод лазури,
Сердцу стало веселей.
Но надолго ль?.. Вот над морем
Тучки новые бегут...
Солнце с тучей, радость с горем
Неразлучно, знать, живут!

NOTTURNO

Я слышу: знакомые звуки
Несутся в ночной тишине.
Былые заснувшие муки
Они пробудили во мне.

Я слышу знакомые звуки.
Я жадно им прежде внимал
И молча на белые руки,
На светлые очи взирал.

Я слышу знакомые звуки,
И сердце стеснилось мое.
Я помню: в минуту разлуки,
Рыдая, я слушал ее.

Я слышу знакомые звуки,
И вижу: опять предо мной
По клавишам белые руки
Скользят, серебримы луной...

ПЕСНЯ

Выйдем на берег — там волны
Ноги нам будут лобзать,
Звезды с таинственной грустью
Будут над нами сиять;

Там ветерок ароматный
Кудри твои разовьет.
Выйдем!.. Уныло качаясь,
Тополь к себе нас зовет.

В долгом и сладком забвеньи,
Шуму внимая ветвей,
Мы отдохнем от печали,
Мы позабудем людей.

Много они нас терзали,
Мучили много, друг мой:
Те — своей глупой любовью,
Те — бесконечной враждой.

Все мы забудем, как месяц
В темной лазури блеснет,
Все — как природе и богу
Гимн соловей запоет.

СОСЕД

Скучно, грустно мне. В окошко
Небо серое глядит;
За стеной соседа песня
Вечно грустная звучит.

Кто сосед мой одинокий,
И о чем тоскует он?
Иль судьбою прихотливой
Он с подругой разлучен?

Об отчизне ли далекой,
Об отваге ль прошлых дней
Вспоминает он, унылый,
В тесной комнатке своей?

Утомил его, быть может,
Жизни долгий, скучный путь,
И, как я, скорей хотел бы
Странник бедный отдохнуть?

Кто б ты ни был, — эти звуки
В душу мне отраду льют.
Пой, сосед!.. Но, видно, слезы
Кончить песни не дают.

Вот затих он, и, как прежде,
Все вокруг меня молчит,
И в окно мое печально
Небо серое глядит.

СТРАНИК

Oh, quand viendra-t-il donc
ce jour que je revais,
Tardif réparateur de tant de
jours mauvais?..
Jamais, dit la raison...

H. Moreau

Все тихо... Тополи над спящими водами,
Как призраки, стоят, луной озарены;
Усеян свод небес дрожащими звездами,
В глубокий сон поля и лес погружены;

Воздушные струи полны ночной прохладой,
Повеял мне в лицо душистый ветерок...
Уж берег виден стал... и дышит грудь
отрадой —

Быстрей же мчи меня, о легкий мой членок!

Я вижу, огонек мелькнул между кустами
И яркой полосой ложится на реке...
Скитальца ль ждешь к себе, с томленьем
и слезами,
Ты, добрый друг, в своем уютном уголке?

С молитвой ли стоишь пред чистою
Мадонной,
И слышен шопот твой в полночной тишине,

Иль, может, рвешь листки ты розы
благовонной,
Как Гретхен Фауста, гадая обо мне?

Услышав плеск волны, с улыбкой молодою,
Ты другу выйдешь ли навстречу в темный
грот,

Где, к моему плечу приникнув головою,
Ты говорила мне, бывало: «День придет,

И близок он, когда ни горя, ни страданий
Не будет на земле!» — Нет, он далек, дитя;
И если б знала ты, как много упований,
Прекрасных и святых, с тех пор утратил я.

Ты помнишь ли, как мы с тобою
расставались,
Как был я духом бодр, как полон юных сил!
Но, вот, разлуки дни, как грезы,
миновались...

Отчизну и тебя я снова посетил,

И что ж? Утомлена бесплодною борьбою
Уже душа моя. Потух огонь в глазах,
И впала грудь моя, истерзана тоскою,
И не пылает кровь румянцем на щеках.

Я слышал ближних вопль, я видел их
мученья,
Я предрассудка власть повсюду находил;
И страшно стало мне, и мрачный дух
сомненья,
Ужасный дух меня впервые посетил!

Бессилие мое гнетет меня всечасно;
Уж холод в сердце мне, я чувствую, проник;
И я спешу к тебе, спешу, мой друг
прекрасный,
В объятиях твоих забыться хоть на миг!

Сгустилась ночи тьма над спящими водами,
Повеял мне в лицо душистый ветерок,
Усыпан свод небес дрожащими звездами...
Быстрей же к берегам неси меня, челнок!

СОН

(Отрывок из неоконченной поэмы)

La terre est triste et desséchée; mais elle reverdira.
L'haleine du méchant ne passera pas éternellement sur elle, comme un souffle qui brûle.

Paroles d'un croyant

Истерзанный тоскою, усталостью томим,
Я отдохнуть прилег под явором густым.

Двурогая луна, как серп жнеца кривой,
В лазурной вышине сияла надо мной.

Молчало все кругом... Прозрачна и ясна,
Лишь о скалу порой дробилася волна.

В раздумьи слушал я унылый моря гул,
Но скоро сон глаза усталые сомкнул.

И вдруг явилась мне прекрасна и светла
Богиня, что меня пророком избрала.

Чело зеленый мирт венчал листами ей,
И падал по плечам златистый шелк кудрей.

Огнем любви святой был взор ее согрет
И разливал на все он теплоту и свет.

Благоговенья полн, лежал недвижим я
И ждал священных слов, дыханье притая.

Но вот, она ко мне склонилась и рукой
Коснулася слегка груди моей больной.

И, наконец, уста разверзлися ее,
И вот что услыхал тогда я от нее:

«Страданьем и тоской твоя томится грудь,
А пред тобой лежит еще далекий путь.

Скажу ль я, что тебя в твоей отчизне ждет? —
Подымет на тебя каменья твой народ

За то, что обвинишь могучим словом ты
Рабов греха, рабов постыдной суеты!

За то, что возвестишь ты мщенья грозный час
Тому, кто в тине зла и праздности погряз,

Чье сердце не смущал гонимых братьев стон,
Кому законом был отцов его закон!

Но не страшися их — и знай, что я с тобой,
И камни пролетят над гордой головой.

В цепях ли будешь ты, — не унывай и верь,
Я отопру сама темницы мрачной дверь.

И снова ты пойдешь, избранный мной левит,
И в мире голос твой не даром прозвучит.

Зерно любви в сердца глубоко западет:
Придет пора — и даст оно роскошный плод.

И человеку той поры недолго ждать,
Недолго будет он томиться и страдать.

Воскреснет к жизни мир... Смотри, уж
правды луч
Прозревшим племенам сверкает из-за туч!

Иди же, веры полн... И на груди моей
Ты скоро отдохнешь от муки и скорбей».

Сказала... И потом скрылася она,
И пробудился я, взволнованный, от сна.

И Истине святой, исполнен новых сил,
Я дал обет служить, как прежде ей служил.

Мой падший дух восстал... И утесненным
вновь
Я возвещать пошел свободу и любовь...

ПОЭТЫ

**Le poète doit être un protestant
Du droit et de l'humanité!**
A. Barbier

Кто не страдал святым страданьем,
Кто горьких слез не проливал,
Томимый тщетным ожиданьем
Увидеть вечный идеал;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги променял;
В пророков истины каменья
В угодность черни кто бросал;
Кто равнодушно видел муки,
Стон слышал брата своего,
И в ком цепей тяжелых звуки
Не пробуждали ничего;
Кто сам, преданья раб послушный,
Готов оковы был носить
И вопли сердца малодушно
В забавах света заглушить,—
Тот не поймет твоих созданий,
Любовью дышащих святой,
И в жизнь иную упований
Не разделить ему с тобой!
И много их в толпе найдется,

Злых фарисеев и глупцов,
Живущих мыслями отцов,
В ком речь твоя не отзовется.
Но ты иди прямой дорогой
Привычной, смелою стопой!
Когда в душе сокровищ много,
Не расточай их пред толпой!
Но будь гонимых утешитель,
Врагам озлобленным прости,
И верь, что встретишь, как спаситель,
Учеников ты на пути.

Но будет время... Пронесутся
Дни бедствий, горя и тревог;
Жрецы Ваала ужаснутся,
Когда восстанет правды бог!
Навеки в мире водворится
Священной истины закон,
И гордых власть пред ним смирится,
И смолкнет ненависть племен.

Да, верь: любви и примиренья
Пора желанная придет,
И мир, прозрев, твое ученье
Тогда великим назовет.

Вперед, без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет!

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив озлобленным врагам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил,

Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит,
И, верьте, голос благородный
Не даром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

ОТВЕТ

Мы близки друг другу, я знаю,
Но чужды по духу... Любви
Давно я к тебе не питаю,
И холодны речи мои...

Не в силах я лгать пред тобою,
А правда страшна для тебя...
К чему же бесплодной борьбою
Всечасно терзать нам себя?

В кумирах мне бога не видеть,
Пред ними чела не склонить!
Мне все суждено ненавидеть,
Что рабски привыкла ты чтить!

Кто истине, верный признанью,
Себя безвозвратно обрек, —
И дом, и семью без роптанья
Оставил, — сказал нам пророк...

О, верь мне, напрасны упреки:
Расстаться нам должно с тобой...
Любви мы друг к другу далеки,
Друг другу мы чужды душой!..

Страдал он в жизни много, много,
Но сожаленья не просил
У близких, так же, как у бога,
И гордо зло переносил.

А было время — и сомненья
Свои другим он поверял,
Но тщетно... бедный не слыхал
От брата слова утешенья!

Ему сказали: «Молод ты,
Остынет жар в крови с летами,
Исчезнут пылкие мечты...
Так точно было прежде с нами».

Но простодушно верил он,
Что не напрасны те стремлењья,
И прозревал он в отдаленъи
Священной истины закон.

Ему твердили с укоризной,
Что не любил он край родной:
Он мир считал своей отчизной
И человечество — семьей!

И ту семью любил он страстно,
И для ее грядущих благ

Истратить был готов всечасно
Изыток юных сил в трудах.

Но он любимым упованьям
Пределы всюду находил,
В стране рабов слепых преданья,
И жажды дел не утолил!

И умер он в борьбе бесплодной.
Никто его не разгадал,
Никто порывов не узнал
Души любящей, благородной...

Считали все его пустым
И только юность пожалели;
Когда ж холодный труп отпели,
Рыданья не было над ним.

Над свежей юноши могилой
Теперь березы лишь шумят,
Да утром пасмурным звучат
Напевы иволги унылой...

ЗВУКИ

Не умолкай, не умолкай!
Отрадны сердцу эти звуки,
Хоть на единый миг пускай
В груди больной задремлют муки.

Волненья прошлых давних дней
Мне песнь твоя напоминает;
И льются слезы из очей,
И сладко сердце замирает...

И мнится мне, что слышу я
Знакомый голос, сердцу милый;
Бывало, он влечет меня
К себе какой-то чудной силой;

И, будто, снова предо мной
Спокойный, тихий взор сияет
И душу сладостной тоской,
Тоской блаженства наполняет...

Так пой же! Легче дышит грудь,
И стихли в ней сомненья муки...
О, если б мог когда-нибудь
Я умереть под эти звуки!

ВЕСНА

Und Freud und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd, o Sonne!
O Glück, o Lust!

Göthe

В старый сад выхожу я, росинки
Как алмазы на листьях горят,
И цветы мне головкой кивают,
Разливая кругом аромат.

Все влечет, веселит мои взоры:
Золотая пчела на цветке,
Разноцветные бабочки крылья,
И прыжки воробья на песке.

Как ярка эта зелень деревьев!
Купол неба как чист и глубок!
И брожу я, восторгом объятый,
И слеза застилает зрачок.

За оградой садовой чернеет
Полоса забороненной земли,
И покрытые соснами горы
Поднимаются к небу вдали.

Как любовью и радостью дышит
Вся природа под вешним лучом,
И душа благодарная чует
Здесь присутствие бога во всем!

Снова крепнут дремавшие силы,
Новой жизни приходит пора,
И становится все так возможным,
Что мечтою казалось вчера!

Как прекрасна весна! Миллионы
Ей навстречу звучат голосов,
И в моем воскресающем сердце
Ей привет вдохновенный готов!

В СТЕПИ

Так скоро, может быть, покинуть должен я,
О, степь унылая, простор твой необъятный;
Но, вместо радости, зачем душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалею ль я чего? Или в краю ином
Грядущее сулит мне мало утешенья?
И побреду я вновь знакомым мне путем,
Путем забот, печалей и лишенья.

Как часто у судьбы я допросить хотел,
Какую пристань мне она готовит,
Зачем неравный бой достался мне в удел,
Зачем она моим надеждам прекословит?

Ответа не было. Напрасно я искал,
Куда б усталою приникнуть головою...
Не видно пристани... И счастья идеал
Уж я давно зову ребяческой мечтою!

Но пусть без радостей мои проходят дни...
Когда б осталось мне отрадное сознанье,
Что к благу ближнего направлены они,
Я б заглушил в себе безумное роптанье.

Но нет, еще ничьих не утикал я слез,
И сердца голосу был часто непослушен
Я утешения несчастным не принес,
И слаб я был, и горд, и малодушен.

И жаль мне, что я жизнь покину без следа,
Как покидают край печального изгнанья,
Что ни единий друг от сердца никогда
Не сжал руки моей в минуту расставанья.

РАЗДУМЬЕ

Дни скорби и тревог, дни горького сомненья
Тоски болезненной и безотрадных дум,
Когда ж минуете? Иль тщетно возрожденья
Так страстно сердце ждет, так сильно
жаждет ум?

Не вижу я вокруг отрадного рассвета:
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взор.
Исчезли без следа мои младые лета,
Как в зимних небесах сверкнувший метеор.

Как мало радостей они мне подарили,
Как скоро светлые рассеялись мечты!
Морозы ранние безжалостно побили
Беспечной юности любимые цветы.

И чистых помыслов и жарких упований
На жизненном пути растратил много я;
Но средь неравных битв, средь тяжких
испытаний
Что ж обрела взамен всех грез душа моя?

Увы! лишь жалкое в себе разуверенье,
Да убеждение в бесплодности борьбы,

Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себе пощады от судьбы.

И даже ты моим призыва изменила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привета братского живительная сила
Мне не врачует дух в тревогах бытия.

Но пусть ничем душа больная не согрета,
А с жизнью все-таки расстаться было жаль,
И хоть не вижу я отрадного рассвета, —
Еще невольно взор с надеждой смотрит
вдаль.

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы,
Стремлений чистых и прекрасных
Дано вам столько от судьбы.

Что все, чем полно сердце ныне,
Подавит жизни тяжкий гнет;
Что все растратится в пустыне,
Что дать могло бы цвет и плод.

К чему напрасные сомненья!
Идите смелою стопой,
Вы не из тех, в ком увлеченья
С летами гаснет жар святой.

Пусть дух изведает страданье,
В борьбе пусть будет закален —
И из горнила испытанья
И чист и крепок выйдет он.

Храните же чистые химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень веры
Пусть до конца не гаснет в ней!

О, если б знали вы, друзья моей весны,
Прекрасных грез моих, порывов
благородных,
Какой мучительной тоской отравлены,
Проходят дни мои в волнениях бесплодных!

Былое предо мной, как призрак, восстает,
И тайный голос мне твердит укор правдивый:
Чего убить не мог суровой жизни гнет,
Зарыл я в землю сам, — зарыл, как раб
ленивый.

Душе была дана любовь от бога в дар,
И отличать дано добро от зла уменье...
На что же тратил я священный сердца жар,
Упорно ль к цели шел во имя убежденья?

Я заключал не раз со злом постыдный мир,
И пренебрег труда спасительной дорогой,
Не простирая руки тому, кто наг и сир,
И оставался глух к призывам правды
строгой.

О, больно, больно мне!.. Скорбит душа моя...
Казнит меня палач неумолимый — совесть,
И в книге прошлого с стыдом читаю я
Погибшей без следа, бесплодной жизни
повесть.

Когда твой кроткий, ясный взор
Ты остановишь вдруг на мне,
Иль задушевный разговор
С тобой веду я в тишине;

Когда подашь мне руку ты,
Прощаюсь ласково со мной,
И дышат женские черты
Неизъяснимой добротой, —

О, верь! — не зависть, не вражда
К тому, с кем ты на путь земной
Соединила жребий свой,
Грудь наполняет мне тогда.

Я лишь молю, чтоб над тобой
Была господня благодать,
Чтоб свет тщеславный и пустой
Тебя не мог пересоздать.

Чтоб сердце свято сберегло
Свои заветные мечты;
Чтобы спокойно и светло
На божий мир глядела ты.

Чтоб клеветы и злобы яд
Не отравил весны твоей;

Чтоб ты не ведала утрат
И омраченных скорбью дней.

Еще молю я, чтобы нас
Не разлучал враждебный рок,
Чтоб кротким светом этих глаз
Я дольше любоваться мог.

Есть дни: ни злоба, ни любовь,
Ни жажда дел, ни к истине стремленье,
Ничто мне не волнует кровь:
И сердце спит, и ум в оцепененьи.

Я остаюсь к призывам жизни глух;
Так холодно взираю, так бесстрастно
На все, что некогда мой дух
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мне
В те дни ответа даже не находит;
В бездействии, в позорном сне
Душевных сил, за часом час проходит.

Мне страшно, страшно за себя:
Боюсь, чтоб сердце вовсе не остыло,
Чтоб не утратил чувства я,
Пока в крови огонь и в теле сила.

Годами я еще не стар...
О, боже всех, кто жаждет искупленья,
Не дай, чтоб пеплом сердца жар
Засыпало мертвящее сомненье!

С. Ф. ДУРОВУ

Уедешь ты на теплый юг!
И где лазурью блещет море, —
Покинет тело злой недуг!
Покинет сердце злое горе.

Там отдохнет в семье друзей
Душа, изведавшая муки,
И песен, выстраданных ей,
К нам долетят святые звуки...

И все, что рок во дни невзгод
Давил железною рукою,
Вдруг встрепенется, оживет,
Как цвет под влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгие несчастья
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковым участем

И если радостные дни
Придут, послушные желанью,
Меня, собрата по изгнанию,
Ты добрым словом помяни!

МОЛИТВА

О, боже мой! восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый!
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нем я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки,
Да упадет завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки!

Внезапным светом озарен,
От лжи мой ум да отрешится,
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь — и без возврата!

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зов откликнулась любви!

О, если б я, от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачную былого
Из книги жизни вырвать мог.

О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! бесплодной жизни повесть
Слезами горькими не смыть.

Молю того, кто весь любовь,
Он примет скорбное моленье
И, ниспослав мне искупление,
К добру меня направит вновь, —

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтоб сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

О, нет! не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взрастил в себе зерно
Любви живой и отреченья —
И бесполезно и смешно
На мир его ожесточенье.

Но если праведная речь
Из сердца чистого стремится, —
Она разит, как божий меч;
Дрожит, бледнеет и стыдится
Пред нею тот, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но где тот века проводник,
Что скуп на речи, щедр на дело,
Что, заглушив страстей язык,
Благой пример являть привык
Толпе в неправде закоснелой?

Где он? нас к бездне привела
Стезя безверья и порока!
Рабам позорной лжи и зла
Пошли, пошли, господь, пророка,
Чтоб речь его нам сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко!

ПТИЧКА

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли,
И тростник сухой и желтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул, словно из ведра.
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!

«Не для солнца, не для неба
Прилетела я сюда;
В камышах сухих и желтых
Не совью себе гнезда.

Я совью его под кровлей
Горемыки-бедняка;
Богом я ему в отраду
Послана издалека.

В час, как он, вернувшись с поля
В хату ветхую свою,
Ляжет грустный на солому,
Песню я ему спою.

Для него я эту песню
Принесла из-за морей;
Никогда ее не пела
Для счастливых я людей.

В ней поведаю я много
Про иной, чудесный свет,
Где ни бедных, ни богатых,
Ни нужды, ни горя нет.

Эта песня примиренье
В грудь усталую прольет,
И с надеждою на бога
Бедный труженик заснет».

БЫЛОЕ

(С. Н. Федорову).

Ночи бледное светило
Кротким светом озарило
Комнатку мою.

Снова слышу за стеною,
Над малюткою больною,
Баюшки-баю,

Голосок так чист и звонок,
Что под звук его ребенок
Затихает вдруг.

Спой еще! Тебе внимая,
И моя душа больная
Отдохнет от муки.

Помню я иное время, —
Легче жизни было бремя,
Веселей жилось!

Шли так быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы светлых грез!

Сколько вызвано мечтою
Лиц знакомых предо мною
И знакомых мест!

Помню лес... деревьев шопот,
И волны стемневшей ропот,
И мерцанье звезд,

Сад запущенный и мрачный,
Над водой пруда прозрачной
Деревенский дом,

Речи нежные и ласки,
В уголке уютном сказки
Зимним вечерком...

Сердце верило, любило,
Все ему так было мило,
Что теперь смешно!

Но все тихо за стеновою...
Над малюткою больною
Голос смолк давно...

Ах, зачем былые годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнил вас?

На душе тоска сильнее,
И до утра, видно, с нею
Не сомкну я глаз!

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень,
От черемухи душистой
И от лип кудрявых тень..

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин
И лишь пестрые головки
Возвышает мак один,

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых,
С тенью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вокруг черемухи жужжат.

Ты хочешь песен, — не пою
Веселых песен я давно,
А душу ясную твою
Встревожить было бы грешно.

О, нет, пусть ни единый звук
Не обнаружит пред тобой
Ни затаенных в сердце мук,
Ни дум, навеянных борьбой.

Пусть не узнаешь дольше ты,
Как беспощадно губит свет
Все наши лучшие мечты,
Святые грезы юных лет!

Когда ж пора твоя придет,
И с жизнью выйдешь ты на бой,
Когда в тебе житейский гнет
Оставит след глубокий свой,

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участья слов, —
Тогда — зови... и песнь моя
На грустный твой ответит зов.

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!

Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...

Что ты все кружишься?
Что твой черный глаз
Ищет все кого-то?
Нет ее у нас!

За солдата вышла,
Бросила наш дом;
С матерью прощалась —
Вон за тем крестом.

Там, где куст, мне с плачем
Ноги обняла
И чуть не вернулась,
Как до гор дошла...

Если к ним летишь ты, —
Расскажи потом:
Может, терпят нужду
В городе чужом?

Часто ль вспоминают
Обо мне у них?
Что их дочь-малютка?
Что сыночек их?..

Когда возвратился я в город родной,
И там, над отцовской могилой,
Колена склонил и поник головой, —
О, как мое сердце заныло!

Мне все прожитое припомнилось вдруг,
Припомнились долгие годы,
Что шли средь волнений бесплодных и мук,
Без счастья, любви и свободы.

И мнилось мне, будто отец мой глядит
На сына с тоской и любовью,
Скорбя, что суровым он горем убит,
Что сердце исходит в нем кровью.

Мне слышался говор зеленых ветвей:
«Устал ты — и ищешь покою!
Усни здесь — и мы над могилой твоей
Раскинемся тенью густою...»

Много злых и глупых шуток,
Жизнь, играла ты со мной,
И стою на перепутьи
Я с поникшей головой.

Сердца лучшие порывы
И любимые мечты
Осмеяла беспощадно,
В пух и прах разбила ты.

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И в бою том я потратил
Много страсти и огня.

Только людям на потеху
Скоро выбился из сил,
И осталось мне сознанье,
Что я немощен и хил.

Что ж! Пойду дорогой торной,
Думал я, толпе восслед,
Скромен, тих, благонамерен,
Бросив юношеский бред.

Что за гладкая дорога!
Камни здесь не режут ног.

Если б шел по ней я прежде,
Я бы так не изнемог.

Да и цель гораздо ближе:
Пристань мирная в виду...
Сколько там я наслаждений
Неизведанных найду!

Но увы! пришлось недолго
К этой цели мне итти,
И опять я очутился
На проселочном пути.

А виной все эти грезы,
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука с рукой.

И манили все куда-то,
И шептали что-то мне,
Милых образов так много
Показали в стороне.

Им навстречу устремился
Я, исполнен новых сил;
Шел по терниям колючим,
В бездны мрачные сходил.

И уж думал: подхожу я
К милым призракам моим
Но напрасно, утомленный,
Простирая я руки к ним.

Отдалялись, улетали
Дорогие от меня...
И внезапно, на распутьи,
Ночью был застигнут я.

Долго ль ночь моя продлится,
И что ждет меня за ней,
Я не знаю; знаю только,
Что тоска в душе моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждает сожаленье
В этот миг в душе больной.

Жаль мне призраков любимых,
Жаль роскошных ярких грез,
Что так рано день, сокрывшись
На лучах своих унес!

МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Он беден был. (Его отец
В гусарах век служил,
Любил танцовщиц, и вконец
Именье разорил.)

И ярый был он либерал:
Все слабости людей
Он энергически карал,
Хоть не писал статей.

Не мог терпеть он спину гнуть,
Любил он бедный класс,
Любил помещиков колнуть
Сатирой злой подчас.

И Жоржем Зандом и Леру
Был страстно увлечен,
Мужей он поучал добру,
Развить старался жен.

Когда же друга моего
Толкнула в глушь судьба,
Он думал — закалит его
С невежеством борьба.

Всех лихоимцев, подлецов
Мечтал он быть грозой,
И за права сирот и вдов
Клялся стоять горой.

Но, ах! грядущее от нас
Густой скрывает мрак:
Не думал он, что близок час
Вступить в законный брак.

Хоть предавал проклятью он
Пустой, бездушный свет,
Но был в губернии пленен
Девицей в тридцать лет.

Она была иных идей:
Ей не был Занд знаком,
Но дали триста душ за ней
И трехэтажный дом.

Женился он, ему пришлась
По сердцу жизнь сам-друг...
Жена ввела его тотчас
В губернский высший круг.

И стал обеды он давать,
И почитал за честь,
Когда к нему съезжалась знать,
Чтоб хорошо поесть.

И если в дом к нему порой
Являлся генерал,
Его, от счастья сам не свой,
Он на крыльце встречал.

Жена крутой имела нрав,
А дом и триста душ
Давали ей так много прав...
И покорился муж.

Хоть иногда еще карал
Он зло в кругу друзей,
Но снисходительней взирал
На слабости людей.

Хоть не утратил он вполне
Могучий слова дар,
Но как-то стынул при жене
Его душевный жар.

Бывало, только заведет
О крепостных он спор,
Глядишь — и зажимает рот
Ему супруги взор.

И встретил я его потом
В губернии другой;
Он был с порядочным брюшком,
И чин имел большой.

Пред ним чиновный весь народ
И трепетал и млел;
И уж не триста душ — пятьсот
Он собственных имел.

О добродетели судил
Он за колодой карт...
Когда же юноша входил
Порой пред ним в азарт,

Он непокорность порицал,
Как истый бюрократ...
И на виновного бросал
Молниеносный взгляд.. .

СЧАСТЛИВЕЦ

Я здоров, румян и весел,
Сытно ем и славно пью, —
Никогда нужда и голод
Не стучатся в дверь мою.

Мне наследственный оставил
Мой родитель капитал...
Он его на службе царской
Понемножку собирал.

Я одет всегда по моде
Англичанином портным;
За приятные манеры
Очень дамами любим.

Не якшаюсь с разной дрянью, —
Только с знатными знаком,
И владею превосходно
Я французским языком.

Хоть не делал зла я людям,
Хоть душой и сердцем чист,
Но не скрылся от злословья:
Говорят, я — эгоист.

Клевета! Богоугодных
Разных обществ член и я...
Филантропы пять целковых
Каждый год берут с меня!

Все толкуют: погибает
От неправды род людской...
Тот объелся на обеде,
Умер с голоду другой!

Разве я тому причиной?
Видно, так уж суждено.
Рассуждать об этом, право,
И напрасно, и смешно!

Жизнь дана, чтоб наслаждаться, —
Мой на это взгляд такой.
Пусть мечтатели вздыхают —
Я на них махнул рукой.

Я здоров, румян и весел,
Сытно ем и славно пью, —
Никогда нужда и голод
Не стучатся в дверь мою.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Домчатся ль к вам знакомых песен звуки,
Друзья моих погибших юных лет?
И братский ваш услышу ль я привет?
Все те же ль вы, что были до разлуки?

Быть может, мне иных не досчитаться!
А те — в чужой, далекой стороне
Уже давно забыли обо мне...
И некому на песни отзваться!

Но я средь бурь, в дни горя и печали,
Был верен вам, весны моей друзья,
И снова к вам несется песнь моя,
Когда, как сон, невзгоды миновали.

СЕРДЦУ

Скажи мне, долго ль заблуждаться
Тебе, о сердце, суждено?
Пора бы с грезами расстаться...
Мы старики с тобой давно.

А ты, назло годам и року,
Тревожней бьешься и сильней
(Хоть мало видишь в этом проку),
Чем билось в дни весны своей.

Когда среди волнений света,
В толпе шумящей и пустой,
Слова любимого поэта
Произнесут перед тобой;

Или науки голос строгий
О правде вечной говорит,
Какую ты забьешь тревогу,
Какой огонь в тебе горит!

Красой стыдливою блестая,
Мелькнут ли женские черты, —
В восторге чистом замирая,
Навстречу им как рвешься ты!

С перестань! Понять бы можно
Давным-давно в твои лета,
Что бред поэзия ничтожный,
Что правда вечная — мечта!

Что как-то странно поклоненье,
В наш век полезный, красоте,
Что уж теперь должны стремленье
У человека быть не те...

Пойми, что правда там, где сила,
Где достиженье благ земных,
И все забыв, что ты любило,
Живи и бейся лишь для них!

ПЕСНЯ

Тихо все, глядится месяц
В воды выбкие реки;
За рекою слышны песни,
И мелькают огоньки.

Отчего так сердцу больно?
Дней ли прошлых стало жаль,
Иль грядущего пугает
Неразгаданная даль?

Отчего в груди томленье,
И туманит взор слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вот сокрылся месяц в тучи,
Огоньков уж не видать,
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

Дети века все больные, —
Мне повсюду говорят, —
Ходят бледные, худые,
С жизнью все у них разлад

Нет! Напрасно старики
Оклеветан бедный век.
Посмотрите: перед вами
Современный человек.

Щеки, словно как с морозу,
Так румянцем и горят;
Как прилична эта поза,
Как спокоен этот взгляд.

Вы порывов увлеченья
Не заметите за ним;
Но как полон уваженья
Он к достоинствам своим.

Все вопросы разрешает
Он легко, без дальних дум;
Не тревожит, не смущает
Никогда сомненье ум.

И насмешкой острой, милой
Как умеет он колънуть

Недовольных, что уныло
На житейский смотрят путь.

Предрассудки ненавидят,
Все твердят про идеал
И лишь зло и гибель видят
В том, что благом мир признал,

Свет приятным разговором
И умом его пленен;
Восклицают дамы хором:
«Как он мил! как он умен!»

Нет! Напрасно старость взводит
Клевету на бедный век:
Жизнь, блаженствуя, проводит
Современный человек!

Что за детская головка,
Что за тонкие черты!
И в улыбке, и в движеньях
Сколько детской простоты!

Лишь во взгляде, полном думы,
Я читаю иногда,
Что исчезли безвозвратно
Детской ревности года.

То огнем, то негой дышат
Эти карие глаза,
Знать, для сердца наступает
Страсти первая гроза...

И боюсь я, и невольно
Грудь сжимается тоской:
Не степной былинке слабой
С ураганом вынесть бой!

СТРАННИК

Томит меня мой страннический путь.
Хотелось бы под вечер на покой,
Хотелось бы на дружескую грудь
Усталою приникнуть головой.

Была пора — и в сердце молодом
Кипела страсть, не знавшая преград;
На каждый бой с бестрепетным челом
Я гордо шел, весенним грозам рад.

Была пора — огонь горел в крови;
И думал я, что песнь моя сильна,
Что правды луч, что луч святой любви
Зажжет в сердцах озлобленных она.

Где ж силы те, где бодрость прежних лет?
Сгубила их неравная борьба;
И пустота, бесплодной жизни след,
Ждет неизбежная, как древняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мне!
Не заперты ль ворота на запор?
И огонек мерцает ли в окне,
Маня к себе усталый, грустный взор?

Отворят ли с улыбкою мне дверь:
Услышу ли я ласковый привет:
«Не одинок, не странник ты теперь —
Ты отдохнешь, любовию согрет!..»

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вам силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки, —
Вам все воскресить суждено.

Знакомые тени являются снова,
Проходят одна за другой...
И сердце поверить обману готово,
И жаждет и молит всей жизни былого,
Согретое страстью былой.

И все, что убито бесплодной борьбою,
Опять шевельнулось в груди...
На доблестный подвиг, на битву с судьбою
Иду я отважно, и яркой звездою
Надежда горит впереди.

В возлюбленном взоре, в улыбке участья
Прочел я давно, что любим;
Не страшны мне грозы, не страшно
ненастье —
Я знаю: любви бесконечное счастье
Меня ожидает за ним!

Довольно, довольно!.. Замолкните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О сердце, навеки забудь!.. *

Ты помнишь: поникшие ивы
Качались над спящим прудом;
Томимы тоской, молчаливы,
С тобой мы сидели вдвоем.

В открытые окна глядели
К нам звезды с высоких небес;
Вдали соловьиные трели
Поля оглашали и лес.

Ты помнишь — тебе я сказала:
«Мы много любили с тобой,
Но светлых часов было мало
Дано нам суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейских цепей,
Изныло в нас сердце от боли —
Но скрыли мы боль от людей.

В святилище наших страданий
Не дали вломиться толпе
И, молча, без слез и рыданий,
Мы шли по тернистой тропе».

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто из нас думал тогда,

Что сердца забудутся муки,
Что рану излечат года,

Что страсти былые тревоги,
Все бури поры прожитой,
Мы, встретясь на новой дороге,
Помянем насмешкою злой!

Еще один великий голос смолк —
Правдивый голос обличенья!
Но где же слезы сожаленья?
Лишь дети лжи, поднявши буйный толк,
Глумятся над великой тенью.

Давно ль он словом пламенным карал
Тебя, изнеженное племя?
Давно ль любви и правды семя
В сердца людей так щедро он бросал?..
Иль позабыто это время?

Недолго волновала вас
Тех слов пророческая сила!
Дымятся снова злу кадила,
И все, о чем вещал пророка глас,
Корысть и пошлость поглотила!

Но день придет — и стихнет клевета,
И вместо криков озлобленья,
В тот день великий возрожденья
Услышит дух поборника Христа
Толпы людской благословенья!

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ

Один по улицам брожу я с грустной думой
На спящий город хор дрожащих звезд
Глядит.

Вот предо мной дворец забытый и угрюмый,
Где жизнь провел в пирах и неге сибарит.

Когда-то музыка гремела в пышных залах,
Из окон лился свет от тысячи свечей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренных гостей.

Теперь заброшены огромные палаты,
В роскошных комнатах и пусто и темно;
Давно лежит в земле хозяин тароватый,
В чужих краях живут наследники давно.

Стоит уныло дом... А на крылечных
плитах,
Под рушищем дрожа, бедняк заснуть
прилег,
И думает: «Когда б в палатах позабытых
От стужи дали мне хоть тесный уголок!»

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

И мне когда-то было мило
Светило бледное ночей:
Так много грез оно будило
В душе неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влаге дремлющей реки, —
Душа рвалась к неясной дали,
Полна неведомой тоски.

И было томное сиянье
Путеводителем моим,
Когда спешил я на свиданье,
Кипя восторгом молодым.

Прошли неясные стремленья
И поэтические сны!
Теперь иные впечатленья
Во мне луной порождены.

Досадно мне, что так бесстрастно,
С недосягаемых высот,
Глядит она на мир несчастный,
Где лжи и зла повсюду гнет;

Где столько слабых и гонимых,
Изнемогающих от битв,
Где льется столько слез незримых,
И скорбных слышится молитв!

ПРИЗРАКИ

Старинные, знакомые мотивы
Порой вечернею откуда-то звучат.
В них юности могучие призывы,
В них с пошлостью людской надежд ее
разлад.

И призраки знакомые толпою
На звуки те встают... С насмешкой на
устах,
Идут они медлительной стопою,
И будто говорят: «Уж мы давно в гробах
Лежим, забыв стремления земные,
Признав, что жизнь — бесплодная борьба,
Что на земле блаженны только злые,
А праведных разит бессмысленно судьба.

Спокойно мы в могилах наших тлеем,
Нам не восстать из них на голос суety,
И о тебе мы, бедный, сожалеем:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты!

Ты все еще от жизни ждешь чего-то,
Все грэзы юности живут в душе твоей.

Ты думаешь, упорная работа
Веков готовит рай в грядущем для людей.

Последуй в край ничтожества за нами,
Стряхни с себя скорей оковы бытия,
Пока еще с младенческими снами
Не навсегда душа рассталася твоя!

В гроб низойти с надеждами отрадно!
Нам не было дано узнать отрады той:
Сомненья дух разбил их беспощадно
Задолго до поры прощанья роковой!»

Исчезните, зловещие виденья!
Я не пойду на ваш печальный зов!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готов!

И до конца я веры не утрачу,
Что озарит наш мир любви и правды свет.
Пускай я здесь как в море капля значу,
Но каждый честный бой оставить должен
след.

Исчезните! А вы, святые звуки,
Вы силу новую в мою вдохните грудь, —
Хотя бы жизнь одни сулила муки,
Я бодро встречу их, благословив свой путь!

ДОЖДЕВЫЕ КАПЛИ

(Из Морица Гартмана)

Капля дождевая
Говорит другим:
«Что мы здесь в окошко
Громко так стучим?»

Отвечают капли:
«Здесь бедняк живет;
Мы ему приносим
Весть, что хлеб растет».

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой,
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я —
Все казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милова,
И уж как полюбился он мне!
Молодца не видала такова
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;

Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома роднова
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый, и где-то
Все в далеких краях проживал,
Слыши, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец:
Вдруг постыла милому я стала —
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его, —
Приманила богатой казною,
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету,
Все глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету,
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красотой я своей рас прощалась,
Не узнала б теперь меня мать:
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

Нет отдыха, мой друг, на жизненном пути.
Кто раз пошел тернистою дорогой,
Тому на ней лугов цветущих не найти.
Душе больной, измученной тревогой,
Успокоенье смерть одна лишь может
дать —
И глупо и смешно его от жизни ждать.
В борьбе с людьми, в борьбе с самим
собою
Пройдет твой грустный век. И если из-за
туч,
Хотя на миг — на краткий миг — порою,
Тебе живительный проглянет солнца луч,—
Забыв, что ждет за ним опять ненастье,
Что горе новое готово впереди —
Благодари судьбу! Но более не жди:
Нет продолжительного счастья!

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чай же, осень,
Поспешила зов?

Вот, и худ, и бледен,
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим — не дождаться
Света и тепла!

ОБЛАКА

Вот и гроза прошла, и небо просветлело;
Приветно солнышко на божий мир глядит.
Вся степь, как раннею весной, зазеленела,
И воздух свеж и чист, и птичка в нем
звенит.

И на сердце давно так ясно не бывало...
В нем тихой радостью сменилася тоска:
Все, чем оно томилось и страдало,
Как будто унесли с собою облака.

Но отчего ж порой, боязнью тайной
мучим,
Все устремляю вдаль я свой несмелый
взгляд
И думаю, следя за облаком летучим,
Что старую печаль несет оно назад?

НИЩИЕ

1

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет;
Ирезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движеньях, во взоре
Нет ревности детской следа, —
Сквозит в них тяжелое горе,
Как в ру比ще ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, сбирать...

2

Карета шестеркой несется,
За нею пустился он вслед,

Но голос внутри раздается:
«Вот я тебе дам, дармоед!»

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не мог со слезой...
И дальше пошёл горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилег
И видит: с котомкою мимо
Плетется седой старичик.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся! Хворенький, знать?» —
«Из города, дедушка. Худо
Мне, больно». — «Не хлебца ли дать?

Немного набрал я сегодня,
Да надо тебя пожалеть.
Мне с голоду милость господня
Не даст, словно псу, околеть...»

И с братом голодным, что было
В котомке, он все разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идет...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймет!

ПОЭТУ

Пускай заманчив гладкий путь,
Но ты своей высокой цели,
Поэт, и в песнях и на деле,
Неколебимо верен будь.

Иди, послушный до конца
Призывам истины могучим,
Иди по терниям колючим,
Без ободренья и венца.

И будь бестрепетным бойцом,
Бойцом за право человека;
Не дай заснуть в пороках века
Твоей душе постыдным сном.

И будет песнь твоя сильна,
Как божий меч, как гром небесный;
И не умрет в сердцах она,
Хотя бы смолк твой голос честный

Блажен не ведавший труда,
Но щедро взысканный от неба,
Блажен не евший никогда
Слезами смоченного хлеба.
Вольней и легче дышит он,
Здоров и телом и душою,
И не поникнет головою,
Сомненьем ранним удручен.
Светло, разумно и прекрасно
Все в мире кажется ему;
Он волноваться понапрасну
Не даст ни сердцу, ни уму.
Он не растратит духа силы
Средь мелких, будничных забот
И безмятежно до могилы,
Не спотыкаясь, добредет.
Но сколько бедных и голодных
Свой черствый хлеб, свой тяжкий труд
За эту жизнь без скал подводных,
За этот рай не отдадут!

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон, вдали соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины.
Не пройдешь без думы, без тяжелой мимо.
Что же к ним все тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни через плакучих,
Ни избушек этих сереньких, как тучи...
Что же в них так сердцу дорого и мило,
И какая манит тайная к ним сила?

Нет! лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством.

Нет! лучше в темную могилу
Унести безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой, —

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой,
И незаметно в тине смрадной,
В грязи увязнуть с головой!

ДЕТИ

Люблю я вас, курчавые головки!
Ваш звонкий смех, и ваша беготня,
И хитрости ребяческой уловки, —
Все веселит, все радует меня!

Гляжу на вас в сердечном умиление,
Житейских нужд забыв тяжелый гнет...
Но коротко отрадное забвенье,
И вновь ему на смену скорбь идет.

И в глубине души, помимо воли,
Мучительный рождается вопрос:
Ужель и вам не видеть лучшей доли,
И вам итти путем бесплодных грез?

Ужель и вы в борьбе со злом могучим
Духовных сил растратите запас,
И правды свет, пронзив густые тучи,
Вам не блеснет и не пригреет вас?

Страдали мы... и верили так страстно,
Что день иной придет... О, неужель
Он и от вас далек — тот день прекрасный,
И далека стремлений наших цель?

Ответа нет на мой вопрос унылый...
О, дай-то бог, чтоб эта чаша зла,
Которая всю жизнь нам отравила,
До ваших уст, малютки, не дошла!

Завидно мне смотреть на мудрецов,
Что знают жизнь так хорошо по книгам;
Все разрешать они привыкли мигом,
В их головах на все ответ готов.

То, что других болезненно тревожит,
Презренье в них рождает или смех;
Сомненья червь у них сердец не гложет:
Непогрешим мужей ученых цех!

Но одного лишь я боюсь немножко:
Что если жизнь, как дерзкий ученик,
Вдруг стащит с них всеведенья парик
И книжки их все вышвырнет в окошко?

И род людской, сознав, что он идет
Окольною и вязкою дорогой,
Назло иной теории убогой,
Вдруг сделает нежданный поворот?

О, что тогда?.. Но, впрочем, не придут
Ни от чего они, я думаю, в смущенье...
И, прежнего исполнены презренья,
Весь род людской — безумным назовут!

О, не забудь, что ты — должник
Того, кто сир, и наг, и беден,
Кто под ярмом нужды поник,
Чей скорбный лик так худ и бледен;

Что от небес ему одни
С тобой даны права святые
На все, чем ясны наши дни —
На наши радости земные!

И тех страдальцев не забудь,
Что обрели венец терновый,
Толпе указывая путь, —
Путь к возрождению, к жизни новой!

И пусть в дому твоем найдут
Борьбой измученные братья
Забвенье мук, от бурь приют
И брата верные объятья!

Природа-мать! К тебе иду
С своей глубокою тоскою,
К тебе усталой головою
На лоно с плачем припаду.

Твоих лесов немолчный шум
И нив златистых колыханье,
Лазурь небес и вод журчанье
Разгонят мрак гнетущих дум.

Пусть говорят, что ты к людской
Тоске и скорби безучастна.
Что исцеления напрасно
Ждать от тебя душе больной, —

Нет, я не верю! С нами ты
Живешь одною жизнью полной.
Или зачем же ропщут волны
И грустно шепчутся листы?

Зачем же с неба хор светил
Земле так ласково сияет,
И слезы чистые роняет
Роса на свежий дерн могил?

На все ответ в тебе найдет
Тот, кто с любовью бесконечной

К тебе и гнет тоски сердчной,
И радость светлую несет.

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученного сына,
Чтобы хотя на миг единый
Сошла мне в душу благодать!

Чтобы с себя я мог стряхнуть
И лжи, и лености оковы
И с сердцем чистым, с силой новой
Опять пуститься бодро в путь...

Да окрылит дух падший мой
Восторг могучими крылами!
Да буду мыслью и делами
Я верен истине одной!

ЛЖЕУЧИТЕЛЯМ

Жрецы греха, пророки тьмы,
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду божью,
Сердца опутать и умы!
Бессильны злобы ухищренья,
Бессильно жало клеветы:
Свободны пылкие мечты, —
Ко благу честные стремленья
Вам не убить! Года пройдут,
И лжи замрет бесследно голос:
Зерно добра даст пышный колос,
А ваши плевелы сгниют!

Иль ослепленным вашим взорам
Заря иная не ясна?
Вам дела нет, что племена,
Покончив с вековым раздором,
Друг другу руку подают;
Что столько свергнуто кумиров,
И что сильней всех сильных мира
Стал мысли животворный труд!
Вам дела нет! Но час настанет,
Жрецы греха, пророки тьмы,
И человек, как от чумы,
От вас с проклятием отпрянет!

И вы, с позором на челе,
Пойдете, ужасом объяты,
Как древле брат, убивший брата,
Искать приюта на земле!

На сердце злоба накипела
От заученных этих фраз!
Слова! Слова! А чуть до дела,
Ни сил, ни воли нету в нас!

Как мы сочувствуем народу,
Как об его скорбим нуждах!
За правду мы в огонь и в воду
Итти готовы... на словах.

Развить логически и здраво
Умеем мы, что гибнет мир
Что богачей и нищих право
Одно на светлый жизни пир.

И поучаем мы охотно,
Что лень постыдна и вредна,
Что не затем, чтоб кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

А между тем, борьбы упорной
Или сурового труда
Бежим мы с трусостью позорной
И не краснеем от стыда!

И кто, неправдою гонимый,
Себе нашел защиту в нас?

Бесстрастно мы проходим мимо
Людского горя каждый час.

И фразы нам всего дороже!
Нас убаюкали оне...
Когда ж сознаем мы, о боже! —
Что нет спасенья в болтовне?

ОТЧИЗНА

Природа скучная родимой стороны,
Ты дорога душе моей печальной!
Когда-то, в дни моей умчавшейся весны,
Манил меня чужбины берег дальний...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует все блестящие картины:
Я вижу свод небес, прозрачно-голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платаны и оливы
Зовут меня под сень раскидистых ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух, среди житейских обольщений,
Еще не помышлял... И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но, быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня нежданно посетила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого, и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый,
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы,

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы,

Вас понял я тогда. И сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! Не пленишь ничем ты чуждый
взор...

Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

НОЧЬ

И вот шатер свой голубой
Опять раскинула весна.
Окроплены луга росой,
И серебристой полосой
Бросает свет на них луна.

Светла как детский взор река,
И ветви ив склонились к ней
Под гнетом легким ветерка,
И прилетел издалека
С звенящей трелью соловей...

Прекрасны вы, дары весны!
И горе бедным и больным,
Чьи очи горьких слез полны:
Такие ночи созданы
Для тех, кто счастлив и любим!

О юность, юность, где же ты?
Где эта пылкая отвага
И вдохновенные мечты?
Готовность где — во имя блага,
Покинув все, семью и дом,
Итти на битву с мощным злом?

Их нет давно!.. И нету сил
На подвиг трудный и суровый...
Как раб, что много лет носил
Неволи тяжкие оковы,
Я духом слаб; я изнемог —
Сломил меня железный рок.

Лишь одного житейский гнет
Убить в душе моей не в силах,—
Одно в ней только не умрет,
Хотя и будет в этих жилах
Струиться старческая кровь:
К отважной юности любви!..

Когда, толпясь вокруг меня,
Кипит младое поколенье.
Иного, радостного дня
Рассвет я вижу в отдаленъи
И говорю с восторгом я:
«Бог помочь, братья и друзья!»

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая пред толпой,
Бросать каменьями готовой
В того, кто сон его смутит,
Чья речь, как божий меч, разит.

Бог помочь, братья и друзья!
Когда ж желанный день настанет,
Пусть ваша дружная семья
Отживших нас добром помянет, —
Нас всех, чья молодость прошла
В борьбе с гнетущей силой зла!»

РОДНОЕ

Свесилась уныло
Над оврагом ива,
И все дно оврага
Поросло крапивой.

В стороне могила
Сиротеет в поле:
Кто-то сам покончил
С горемычной долей!

Вон вдали чернеют,
Словно пни, избушки,
Не из той ли был он
Бедной деревушки?

Там, чай, труд да горе,
Горе без исхода...
И кругом такая
Скудная природа!

Рытвины да кочки,
Даль полей немая;
И летит над ними
С криком галок стая...

Надрывает сердце
Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,
Тяжело и дома!

Солнце горы золотило,
Золотило облака;
Воды светлые катила
В яркой зелени река.

И казалось, эти воды
Унесли с собою вдаль
И недавние невзгоды,
И недавнюю печаль.

И как будто воротилась
Снова дней моих весна —
Сердце весело так билось,
Так душа была ясна.

Все, чего душа просила
Так напрасно, с давних пор, —
Все природа ей дарила:
И свободу, и простор!

Ночь пролетала над миром,
Сны на людей навевая;
С темнолазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая;

Старые, мощные дубы,
Вечнозеленые ели,
Грустные ивы листвою
Ночи навстречу шумели;

Радостно волны журчали,
Образ ее отражая;
Рожь наклонялась, сильнее
Пахла трава луговая;

Крики кузнечиков резвых
И соловьиные трели,
В хоре хвалебном сливаясь,
В воздухе тихом звенели.

И улыбалася кротко
Ночь, над землей пролетая...
С темнолазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая...

Бледный луч луны пробился
Сквозь таинственной листвы,
И приносит ветер теплый
Запах скошенной травы.

Все бы только здесь лежал я,
Под навесом этих ив,
В даль немую, в купол звездный
Взор бесцельно устремив;

Все бы слушал, как вершина
Ивы дремлющей шумит,
Как на темном дне оврага
По камням родник журчит.

Это тихое журчанье,
Шелест листьев, свет луны —
На меня все навевает
Примирающие сны...

Ночь! С твоим сияньем кротким
Для усталого меня
Ты дороже и милее
Ярко блещущего дня...

СОВЕТЫ МУДРЕЦОВ

1

Нет! вы к делу не годитесь,
В вас «умеренности» нет!
Лучше с жизнью примиритесь,
Бросьте юношеский бред!
Ненавидеть слишком страстно,
Слишком искренно любить —
Это в книгах все прекрасно,
Но иначе нужно жить.
В идеалах мало проку,
В них, напротив, вся беда:
С идеалами далёко
Не уйти вам никогда!

2

Ваш язык острее бритвы,
Желчь в речах у вас слышна;
Жизнь, по-вашему, для битвы
Для какой-то создана.
Злым началом отрицанья
Дух ваш слишком заражен;
Все вам видятся страданья,
Все вам слышен чей-то стон.
Отрицайте осторожно

И карьеры не губя:
Иногда ругнуть и можно,
Но не громко... про себя!

3

«Или белый, или черный —
Что-нибудь из двух одно!» —
Вами, с пылкостью задорной,
Очень быстро решено.
Это крайности! Ни меры,
Ни границ в вас чувства нет!
Лучший цвет, поверьте, серый:
Он «умеренности» цвет.
А она земные блага
И спокойствие дает, —
Вы ж безумною отвагой
Только тешите народ!

4

Но придете вы к тому же...
Поседеет голова,
И стремленья станут уже,
Осторожнее слова...
Если ж в сердце сохранится
Пламень юношеских лет,
Лучше б вам и не родиться:
Не уйдете вы от бед!
Бросьте ваши увлеченья,
Изберите путь иной —
Путь единственный спасенья:
Середины золотой!

В ЛЕСУ

Шумели листья под ногами;
Мы шли опушкою лесной...
Роса над спящими лугами
Ложилась белой пеленой.

Мы шли. Он молод был, звучала
Отвагой пламенная речь.
Он говорил: «Пора настала,
И стыдно нам себя беречь.

Дружней приняться за работу
Должны все честные умы;
И лжи и зла двойному гнету
Довольно подчинялись мы.

Довольно трусости и лени,
К нам перешедшей от отцов,
И бесполезных сожалений,
И красноречия цветов.

Пускай толпа за подвиг смелый
Нам шлет бессмысленный укор,
Не бросим мы святого дела!
Мы встретим радостно позор!..»

Речам восторженным внимая,
Я думал: «Дай-то, дай-то бог,
Чтоб, на неправду восставая,
Ты в битве той не изнемог!»

Он замолчал... А лес сосновый,
Кивая, ветви простирая,
Как бы его на труд суровый,
На путь святой благословлял...

Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло.
Было время — и блистало
Солнце в яркой синеве,
И цветов пестрело много
В зеленеющей траве;
Шумом радостным шумели
Бесконечные леса;
И звенели в темной чаще
Вольных птичек голоса.
И река спокойно в море
Водны чистые несла,
И дрожащим в этих волнах
Звездам не было числа!

Но разнес осенний ветер
Пожелтевшие листы,
И под холодом поникли
Запоздалые цветы...
Улетели в край далкий,
Под иные небеса,
Птички вольные, покинув
Обнаженные леса!
И в волнах реки шумящих

Не лазурный чистый свод,
Не бесчисленные звезды —
Тучи смотрятся с высот...

Было время — молодое
Сердце билося в груди;
Жизнь и счастье и свободу
Обещала впереди!
Божий мир казался тесен
Для могучих юных сил;
Как орел ширококрылый,
В беспредельность дух парил!
Жажда подвигов высоких
Волновала смелый ум;
Много в сердце было страсти,
В голове — кипучих дум!
Жизнь! Зачем же обещаний
Не сдержала ты своих
И зачем не пощадила
Упований молодых?
Сгибло все: надежды, силы,
Как ненастною порой
Зеленеющие всходы
Под дыханьем бури злой!
Было время золотое.
Да как сон оно прешло...
Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!

Что ты поникла, зеленая ивушка?
Что так уныло шумишь?
Или о горе моем ты проведала,
Вместе со мною грустишь?

Шепчутся листья твои серебристые
Шепчутся с чистой волной...
Не обо мне ли тот шопот таинственный
Вы завели меж собой?

Знать, не укрылася дума гнетущая,
Черная дума, от вас!
Вы разгадали — о чем эти жгучие
Слезы лились из глаз.

В шопоте вашем я слышу участие:
Мне вам отрадно внимать...
Только природе страданья незримые
Духа дано врачевать!

УМИРАЮЩИЙ

Оставь, душа, сомненья и надежды:
Конец борьбы с мирским всесильным злом,
Я чувствую: сомкнутся скоро вежды, —
Близка пора заснуть последним сном!

Истошены бесплодно наши силы:
Мы, не щадя, их тратили в борьбе;
Но у дверей темнеющей могилы
Мы не пошлем проклятия судьбе.

И от нее не ждем мы воздаянья
За все, чем жизнь была отравлена...
Страдали мы, но были те страданья
Дороже нам бездействия и сна.

Покинем мир спокойно, без упрека:
Пусть не для нас победные венцы,
Пусть цель от нас была еще далёко,
Но пали мы, как честные борцы!

тучи

Отвори, мой друг, окошко!
Воздух тепел и душист,
Ни один не колыхнется
На березках белых лист.

Отвори, мой друг, окошко
И не бойся: стороной
Туча грозная промчалась,
Нас пугавшая с тобой.

Но, я вижу, ты за нею
Робким взором все следишь,
И грозу — тебе сдается —
Предвещает эта тишина.

Посмотри! Блеснуло солнце...
В бледнорозовых лучах
Тонет даль полей немая...
Отгони свой детский страх!

Посмотри, как чист и ясен
Солнца летнего закат,
И на завтра безмятежный
Небеса нам день сулят.

Но я знаю, что за дума
На челе твоем легла:
Ты забыть не можешь тучи,
Что далёко уплыла.

И, невольно подымая
К небу грустные глаза,
Говоришь себе: «Над кем-то
Грянет страшная гроза.

Дай-то бог, чтоб не застигла
Бедных странников она —
Бедных странников, бредущих
В ночь без отдыха и сна;

Не застигла б тех, кто бросил
Близких, родину и дом
И пошел к далекой цели
Неизведанным путем!»

ОСЕНЬ

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткие, бледные дни,
Долгие ночи, дождливые, темные,
И разрушенье, куда ни взгляни.
Сыплются с дерева листья поблекшие
В поле, желтая, поникли кусты;
Под небу тучи плывут бесконечные...
Осень докучная!.. Да, это ты!

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелых и горьких забот:
Сердце, когда-то так страстно любившее
Давит мертвящий сомнения гнет;
Гаснут в нем глухо, одна за другою,
Юности гордой святые мечты,
И в волосах седина пробивается...
Старость докучная!.. Да, это ты!

ИПОХОНДРИЯ

**Подумать страшно, что такой
Конец сужден житейской драме:
Что будешь в узкой, темной яме
Лежать недвижный и немой.**

**Что черви примутся точить
Твое покинутое тело —
Точить то сердце, что умело
И ненавидеть и любить.**

**И после многих, многих лет
Какой-нибудь мечтатель праздный
Найдет твой череп безобразный
И унесет в свой кабинет,**

**Чтоб вместо мрамора лежал
Он на листах бумаги пыльной,
Или детей — жилец могильный —
Как зашалят они, пугал.**

Где ты, пора веселых встреч —
В саду при ярком свете дня,
И детски ласковая речь,
Любить учившая меня?

Где незабвенная пора,
Когда житейскою тропой —
Чиста, правдива и добра,
Она шла об-руку со мной?

Где кроткий свет прекрасных глаз,
Что примиренье в душу лил?
На миг блеснул он — и погас,
На миг он путь мой озарил!

И снова мраком я объят.
И только бледные лучи —
Воспоминания дрожат
Еще порой в моей ночи.

Их свет не греет, не живит;
Но жизнь без них еще мрачней, —
Больное сердце дорожит
И призраком счастливых дней...

Зачем при звуках этих песен,
Знакомых песен старины,
Ты, сердце, сильно так забилось
Как будто в дни своей весны?

Ужель восторги и печали,
Все бури юношеских лет,
В тебе оставили навеки
Ничем неизгладимый след?

Ты жарко верило, любило,
Но жизнь разбила все мечты, —
Жизнь ничего не пощадила,
Пред чем благоговело ты!

И холоднее год от году
В тебе струиться стала кровь...
Что ж встрепенулось ты? Иль пламень,
Давно угасший, вспыхнул вновь?

Иль просто жаль тебе былого:
Тревог и чувств пережитых?
Но, как волну, что вдали умчалась,
Не воротить нам больше их!

Оставь напрасные порывы,
Тревоги старые забудь...
О, лучше б нам под эти звуки
С тобой последним сном заснуть!

Честные люди, дорогой тернистую
К свету идущие твердой стопой,
Волей железною, совестью чистою
Страшны вы злобе людской!

Пусть не сплетает венки вам победные
Горем задавленный, спящий народ, —
Ваши труды не погибнут бесследные:
Доброе семя даст плод.

Сбудутся ваши святые желания,
Хоть не дождаться поры этой вам
И не видать, как все ваши страдания
Здесь отольются врагам.

Вестники правды, бойцы благородные,
Будете жить вы в правдивых сердцах,
Песню могучую люди свободные
Сложат о ваших делах...

Если хочешь ты, чтоб мирно,
Ясно дни твои летели, —
Брось тревожные вопросы
И возвышенные цели.

Пусть орлы парят высоко
Где-то там, под облаками, —
Что тебе до них! По-волчьи
Вой себе, живя с волками.

Верь: гораздо ближе к делу, —
Отложив пустые бредни
О воздушных этих замках, —
Постоять часок в передней,

Чаще льстить тому, кто силен —
Но не грубо льстить — с уменьем, —
Чем без проку на неправду
Нападать с ожесточеньем.

Не гнушайся дураками:
Это — сила в наше время!
Ты насмешкой не убавишь
Их плодящееся племя.

Слушай вздор их терпеливо:
В люди выскочить поможет

Кто-нибудь из них, пожалуй, —
Насолить же всякий может.

Общепринятой морали
Ты придерживайся строго
И иди, не уклоняясь,
Торной, битою дорогой.

В тех же, кто с нее своротит, —
Полон рьяного усердья,
И каменьями, и грязью
Ты швыряй без милосердья.

Чтоб беды какой не вышло,
Дипломата изреченью
Верен будь: «не поддавайся
Сердца первому движенью!»

Брось мечты о благе ближних,
Семьянином будь примерным
И жену, и ребятишек
Обеспечь доходом верным.

И твой век пройдет счастливо!
А покинешь мир наш бренный —
Скажут все, идя за гробом:
«Вот скончался муж почтенный!»

Слишком был хорош для мира,
Потому и взят он богом...»
И почтит тебя, быть может,
Даже пресса некрологом.

ПАМЯТИ Е. А. ПЛЕЩЕЕВОЙ

1

Как ей, почившей вечным сном,
В гробу из дому унесенной,
Уж не вернуться в этот дом
К семье, печалью удрученной, —

Так в сердце бедное мое
И радость больше не вернется;
В нем скорбь на долгое житье
Незваной гостьей остается.

Не озарит души моей
Былого счастья луч отрадный;
И жизнь, что ждет меня, мрачней
Осенней ночи беспроглядной...

2

Ты не любила этот свет,
Где вечно добрые страдали, —
И отошла в тот край, где нет
«Ни вздоханья, ни печали».

И что, как перл в волнах морей,
Таилось в любящей и честной,

Не знаяшей лжи душе твоей, —
Осталось людям неизвестно.

Как мало их, кто понимал
Высокий подвиг жизни темной,
От чьих очей не заслонял
Мишуруный блеск твой образ скромный,
Кому не чужд был мир твоих
Заветных дум, надежд любимых, —
Их мало, но тобою в них
Оставлен след неизгладимый.

3

Вот она, твоя могила,
Снегом вся занесена.
Все, чем сердце дорожило,
Все, чем жизнь была ясна, —
Все-то, все навек сокрыла
От очей моих она!

И стою над ней, рыдая,
С головой поникшей я.
О, явись мне, дорогая,
Безупречная моя!
О, покинь хоть на мгновенье
Тесный, мрачный свой приют,
И уста твои прощенье
Мне пускай произнесут!

Все прости, что омрачало
Дни недолгие твои,
И с улыбкой, как бывало,
На меня опять взгляни!

Тщетен зов мой!.. И не взглянет
На меня твой кроткий взгляд,
Образ милый не предстанет,
И уста твои молчат!
Что земли добычей станет,
Не вернет она назад!

Одинок стою, взывая
К незабвенной тени я,
И скорбящая, больная,
Рвется к ней душа моя!

ОБЛАКА

(Посвящается Г. А. Ларошу)

Я лежал на траве и глядел,
Как по небу плывут облака.
Ветер листьями клена шумел,
Их ко мне нагибая слегка.

И неслись облака надо мной,
Исчезая и тая вдали...
Они солнце ревниво собой
Заслоняли порой от земли,

Будто солнцу хотели сказать:
«Не дари ты ей теплых лучей!
Перестань, перестань согревать
Эту землю любовью своей!

Где сгостилаась вечерняя мгла,
Где твой пламенный луч догорел,
Сколько там совершается зла,
Сколько темных, неправедных дел!

Разве ласк она стоит твоих?
Разве, грешная, любит тебя?
Нам одним ты сияй, нас одних,
Непорочных и чистых, любя!»

И неслись по степям голубым
Облака в бесконечную даль,
Исчезая одно за другим...
Но, казалось, их солнцу не жаль:

Не хотело оно чистоты
Их холодной на землю менять —
И горячим лучом с высоты
Стало грешную землю лобзать...

Быстро тают снега, побежали ручьи,
И теплей небеса засинели...
Вот недолго еще: прилетят соловьи,
Зазвучат их влюбленные трели.

Все-то, все тебя ждут не дождутся, весна!
Жду и я наболевшей душою,
Чтобы лес зашумел, пробужденный от сна,
Разукрашенный яркой листвой.

Сколько раз этот шум, как ему я внимал,
На меня навевал примиренье,
Я сильнее любил, я полнее прощал,
Затихало в груди озлобленье.

И как будто шептал чей-то голос: «Сомнин
Здесь навеки усталые очи!
Хорошо умереть в эти ясные дни,
В эти теплые, тихие ночи!

Хоть и жаль, может быть, расставаться
с землей,
Когда все вокруг тебя расцветает,
Но блажен, кто, пройдя путь нерадостный
свой,
С примиреньем в груди угасает».

Стихотворения последнего периода

Иль те дни еще далёки,
Далека еще пора,
Вами зrimая, пророки,
Провозвестники добра?

Скоро ль сменится любовью
Эта ненависть племен,
И не будет братской кровью
Меч народов обагрен?

Скоро ль мысль, в порыве смелом,
Лжи оковы разобьет?
Скоро ль слово станет делом,
Дело даст обильный плод?

Скоро ль разума над силой
Мир увидит торжество,
Или мы сойдем в могилы
Только с верою в него?

Засветись, о день счастливый!
Разгони густой туман,
Что лежит еще на нивах
Стольких, сном объятых, стран!

Блаженны вы, кому дано
Посеять в юные сердца
Любви и истины зерно!
Свершайте ж честно до конца
Свой подвиг трудный и благой —
И нет награды выше той,
Что вас за этот подвиг ждет.
Роскошный цвет, обильный плод
При жизни вашей принесет
Добро, посеянное вами.
Когда ж пробьет прощальный час,
С благоговеньем и слезами
Опустит в землю юность вас.

Но горе вам, коль захотите
Умы вы ложью омрачить,
Позора вы не избежите,
Пятна вам с совести не смыть!
Кто жаждет знанья, жаждет света,
Тем не ужиться долго с тьмой.
Придет пора, спадет долой
С их глаз повязка, что надета
Была предательской рукой;
Оковы рабства, бездну зла,
К которой ваша ложь вела,

Увидев, юность содрогнется,
Полна и скорби и стыда.
От лжеучителей тогда
Она с проклятьем отшатнется,
И имена их презирать
Своих детей научит мать!

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Над росистыми лугами
Ветерок ночной гуляет,
Разговор ведет с цветами,
Травку тихо колыхает.

Над заснувшую долиной
Звезды яркие зажглися,
Звуки песни соловьиной
Из-за леса полились.

Этой ночью не сидится
В душной комнате. Работа
Никакая не спорится,
И бежит от глаз дремота.

В эту ночь сильнее просит
Счастья сердце молодое;
Старика мечта уносит
В невозвратное былое.

Даже тот, чей взор слезою
Злое горе застилает,
Кто поник в борьбе с нуждою,
На мгновенье отдыхает,

И, утешенный приветом
Расцветающей природы,
Забывает, что с рассветом
Вновь прийти должны невзгоды.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Хорошо вам, детки,
Зимним вечерком;
В комнатке уютной
Сели вы рядком;

Пламя от камина
Освещает вас,
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ.

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все пустились в зал...
«Поиграй нам, мама», —
Кто-то пропищал.

«Хоть уж девять было,
Отказать вам жаль...»
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном —
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

Но не всем такое
Счастье бог дает:
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних — могила
Рано мать взяла;
У других — нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы, как братьев, детки,
Приголубьте их.

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало;
Пора мятелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то;
Как будто счастье впереди,
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре.
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и
горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!,

СТАРИКИ

Вот и опять мы, как в прежние годы,
Старый товарищ, беседу ведем,
И прожитые когда-то невзгоды
Смутным каким-то нам кажутся сном.

Сколько мы лет не видались с тобою!
Сколько воды с той поры утекло...
Старость, подкравшись к нам тихой стопою,
Избороздила обоим чело.

Пламень, горевший в глазах, потушила,
Снегом обсыпала волосы нам.
Где наша бодрость, отвага и сила?
Видно, они не подстать сединам!

Помнишь, товарищ, минуту разлуки?
Весело вдаль мы глядели тогда;
Жали друг другу с улыбкой мы руки,
Грозная нас не страшила беда.

Мы говорили друг другу, прощаясь:
«Скоро желанное время придет;
Сбудется все, что толпа, издеваясь,
Бредом, мечтаньем нелепым зовет».

Что же ты вдруг покачал головою?
Что улыбнулись так горько уста?
Молодость нас обманула с тобою, —
Совесть зато у обоих чиста.

Пыл нетерпенья в душе охладили,
Свергли немало кумиров года!
Но и кумирам толпы не кадили
В чаянья благ мы земных никогда.

С пеной у рта не бросали каменья
В юность кипучую, если полна
Гордой отваги, в пылу увлеченья,
Нас за ошибки корила она.

Знаем мы оба, как время настанет
Нам от житейских трудов отдохнуть,
Лихом она стариков не помянет,
Скажет: они пролагали нам путь.

Так-то, товарищ! Разбитым и хилым,
Нам остается глядеть в стороне,
Как нарождаются новые силы,
Как на борьбу выступают оне;

Да вспоминая прожитые годы,
В сердце суровое небо молить,
Чтоб миновали все наши невзгоды
Тех, кто пришел нас, отживших, сменить.

ТОСТЫ

Первый тост наш — за науку
И за юношей — второй!
Пусть горит им светоч знанья
Путеводною звездой!

Пусть отчизна дорогая
И великий наш народ
В них борцов неколебимых
За добро и свет найдет!

Третий тост наш — в честь искусства:
Воздадим хвалу тому,
Кто обрек себя всецело
На служение ему.

Всем, кто будит в людях словом,
Кистью, звуками, резцом
Красоты и правды чувства, —
Мы привет горячий шлем.

Не забудьте также, братья,
Добрым словом помянуть
Тех, навек от нас ушедших,
Что, свершив свой трудный путь

И до гроба сохранивши
В сердце преданность добру,
Произнесь могли с поэтом:
«Знаю, весь я не умру!»

Пожелаем, чтоб являлось
На Руси побольше их,
Чистых, доблестных, живущих
Лишь для подвигов благих.

Пожелаем, чтоб не меркло
Над родимой стороной
Солнце разума и знанья, —
Солнце истины святой!

Теплый день весенний.
Солнышко блестит,
Птичка, заливаясь,
В поле всех манит.

Улицы, бульвары
Запрудил народ:
Пестрыми толпами
За город идет.

Праздничные лица
Радостно глядят;
Редко, редко встретишь
Невеселый взгляд.

Словно всем живется
Так легко, что нет
У толпы нарядной
Ни забот, ни бед.

Только мне с тоскою
Справиться не в мочь,
Как ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Где бы ни был, — всюду
Шепчет мне она:

«А твоя навеки
Отцвела весна!»

Зашумит ли в роще
Яркая листва,
Мне и в этом шуме
Слышатся слова:

«Нечего от жизни
Ждать тебе... Твой путь
Пройден, -- не пора ли
Навсегда уснуть?

И когда сойдешь ты
В землю, — над тобой
Зеленеть мы будем
Каждою весной!»

НОЧЬЮ

Жалобно ветер в трубе завывает,
Ночь неприветная смотрит в окно;
Маятник мерно стучит, догорает
Бледный ночник, в доме спят все давно.

Мне одному, этой поздней порою,
Сон не смежает тяжелых ресниц;
Прошлого тени встают предо мною,
Много знакомых мне вспомнилось лиц.

Вспомнились те, что когда-то так смело
Вышли на битву с неправдой и злом,
Делу благому отдавшись всецело,
Перед толпой не склоняясь челом;

Те, что, отвергнув все блага мирские,
Честную им нищету предпочли;
В ком ни обман, ни гоненья людские
Веры в добро умертвить не могли.

Где-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Нам прозвучит в эту темную ночь...
Пусть оно силу на подвиг суровый
Даст нам, готовым в борьбе изнемочь.

Зов наш услышьте средь тьмы
беспроглядной!
Нужен усталым ваш братский привет;
Гаснет их вера... Увидеть отрадный
Взоры не чают рассвет!

НА БЕРЕГУ

(Картинка)

Домик над рекою,
В окнах огонек,
Светлой полосою
На воду он лег.

В доме не дождутся
С ловли рыбака;
Обещал вернуться
Через два денька;

Но прошел и третий,
А его все нет...
Ждут напрасно дети.
Ждет и старый дед.

Всех нетерпеливей
Ждет его жена,
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды.
«Как бы в самом деле
Не было беды!..»

Вдоль реки несется
Лодочка, на ней
Песня раздается
Все слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услыхав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прялки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился,
Весел и здоров!..
В рассказни пустился
Тотчас про улов:

В морды он и в сети
Наловил всего;
С любопытством дети
Слушают его.

Смотрит дед на щуку —
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька.

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звезды с вышины;
Детям обещали
Радостные сны.

Расстался я с обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны!..
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навек они унесены;

Казалось мне, что нет уж к ним возврата...
Смирился я пред силой роковой;
За что страдал, боролся я когда-то, —
Все я признал несбыточной мечтой.

Казалось, впрок пошли мне наставленья
Тех мудрецов, что мне, бедой грозя,
Твердили: «Брось безумные стремленья!
Порочный мир пересоздать нельзя!»

Пусть он коварной лжи опутан сетью, —
Не твой картонный меч ее прорвет:
Перешибить нельзя обуха плетью...
Живи же так, как большинство живет!»

И годы шли. И в жилах кровь все стыла.
В душе все гасла вера в идеал,
И афоризм: «солому ломит сила» —
Порывы дум кипучих охлаждал...

Но отчего ж, когда порою снова,
Средь мудрецов с остывшою душой,

Из юных уст восторженное словс
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тех забытых
Безумных грез, — о, отчего тогда
Вдруг на моих поблекнувших ланитах
Румянец вспыхнет жгучего стыда?

И отчего так сильно сердце бьется,
Как билось в дни весны моей оно,
И к жизни вновь все просится и рвется,
Что в глубине его погребено?

Или когда о наглом ликованье,
О торжестве неправды слышу я,
Зачем во мне кипит негодованье,
И злобы так полна душа моя?

И кажется мне пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытных людей,
Которой я принес, как раб послушный,
Вас в жертву, грезы юности моей.

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей размыкать наше горе,
Рассеять русскую печаль!

Некрасов

Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал...

Некрасов

Под небом южной стороны
Он вспоминал свой Север дальний,
И яркий блеск ее весны
Души не радовал печальной.

В тот час, как луч вечерний гас
В волнах лазурного залива;
Бродил, быть может, он не раз
Один, угрюмый, молчаливый.

Он слушал, в думу погружен,
Густых и темных миртов шопот,
Вечерний колокола звон,
Волны сверкавшей плеск и ропот.

И край иной пред ним вставал,
С его простором и снегами...

Там буйный ветер тучи гнал
Над бесконечными степями...

И средь пустыни снеговой
Лачужки темные мелькали,
Где труд боролся с нищетой,
Где люди радостей не знали...

Тогда стране своей родной,
Тоски исполнен безысходной,
Слагал он песнь — и в песне той
Поэт о скорби пел народной,

Пел о желанных, лучших днях,
Народа прозревая силы...
И песнь его в людских сердцах
К неправде ненависть будила...

Он смолк... Его не слышать нам...
Но в песнях, полных вдохновенья,
Он юным завещал певцам
Народу честное служенье!

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Пушкин

Пока надеждою горим,
Пока сердца для чести
живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Пушкин

Мы чтить тебя привыкли с детских лет,
И дорог нам твой образ благородный.
Ты рано смолк, но в памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэт!

Бессмертен тот, чья музা до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремленье к идеалу;

Кто сердцем чист, средь пошлости людской,
Средь лжи, кто верен правде оставался,
И кто берег ревниво светоч свой,
Когда на мир унылый мрак спускался.

И все еще горит нам светоч тот,
Все гений твой пути нам освещает;

Чтоб духом мы не пали средь невзгод, —
О красоте и правде он вещает.

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы,
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный,
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

ПЕСНЯ ИЗГНАНИКА

Лети, моя птичка, далёко,
Лети в городок мой родной;
Стоит он в равнине зеленой,
Над светлой широкой рекой.

Ты беленький домик увидишь,
Тенистый вокруг него сад;
В саду том душистые липы,
Березы и клены шумят...

Там, в темной листве притаившись,
Ты песню запой под окном.
И стукнет окно — и головка
Покажется детская в нем.

Ребенка лазурные глазки
Весеннего неба ясней;
Светлей золотистых колосьев
Волна его мягких кудрей.

И будет он слушать певунью,
Сияя восторгом, — и ей
Потом на окне разбросает
Он зерна ручонкой своей.

А ты, легкоокрылая птичка,
Малютке скажи моему,
Что в крае далеком есть сердце,
Которое рвется к нему;

Что горько мне жить на чужбине,
Что дума одна у меня:
Дождусь ли поры я желанной,
Дождусь ли отрадного дня, —

Когда, возвращаясь, веселый,
В свой мирный, родной городок,
Я беленький домик увижу,
Где детский звучит голосок...

И выбежит с хохотом звонким
Малютка навстречу отцу,
И крепко, пылающей щечкой,
К его он прижмется лицу...

И прошлое горе заставит
Меня позабыть в этот час
Улыбка его дорогая
И блеск голубых его глаз...

Бурлила мутная река,
Почуяв близкие оковы,
И вдаль куда-то облака
Осенний ветер гнал сурохо.

В саду безлюдном и немом
Деревья выселись уныло
С листвой поблекшей... Все кругом
О разрушеныи говорило.

Но блеск весны я в сердце нес,
Мне божий мир казался светел;
Природы — полон ярких грез —
Я увяданья не заметил.

Был май, и веяло теплом,
Сады цвели, благоухая;
Под ярким солнечным лучом
Волна сверкала голубая,

И тихий шум ветвей густых
Свободных птичек вторил пенью;
Привет в веселых песнях их
Звучал природы возрожденью.

Но мрак царил в душе моей...
Недавней поражен утратой,

Я, средь смеющихся полей,
Уныло шел, тоской объятый.

Небесный купол мне сиял,
Но я могилы видел своды...
И отвращение внушал
Мне пир ликующей природы.

27 СЕНТЯБРЯ 1883 г.

(На смерть И. С. Тургенева)

Вот благородное угасло сердце...

Гамлет

Своей мы гордостью и славой
Тебя недаром признаем:
За человеческое право
Являлся честным ты бойцом.

Когда, исполненный смиренья,
Народ наш в рабстве изнывал, —
Великий день освобожденья
К нему ты страстно призывал.

Корыстных, суэтных, беспечных
Твой голос смелый устыдил...
Любить — в глубоко-человечных
Своих созданьях ты учил.

На скорбь людскую и страданья
Ты находил в душе ответ;
Ты мысль будить, будить сознанье
Не уставал на склоне лет.

На склоне лет огонь священный
В груди ты все еще таил

И нас, художник вдохновенный,
Красою образов дивил!

И нет тебя!.. Недуга злого
Ты жертвой гас в стране чужой...
Но до прощанья рокового
Все сердцем рвался в край родной.

Его любил ты бесконечно,
Как тот — друг юных дней твоих —
Знаменоносец правды вечной
И мыслей сеятель благих,

Кого так рано смерть сразила,
Но чья пророческая речь
Уж славы луч тебе сулила,
И с кем желал ты рядом лечь,

И, вот, со всех концов прощальный
Тебе привет отчизна шлет,
И много в этот день печальный
Слез о тебе она прольет...

«Да, человек он был!» — словами
Поэта скажет край родной,
С благоговением цветами
Венчая холм могильный твой.

ИЗ СТАРЫХ ПИСЕМ

Давно, давно мне перестал
Звучать твой голос милый, —
Бывало, в сердце пробуждал
Он дремлющие силы.

Дышалось легче мне тогда
И краше жизнь казалась:
Мне счастья нового звезда
Как будто загоралась...

Когда твоих прекрасных глаз
Лучи меня ласкали, —
Как ночи мгла в рассвета час,
Летели прочь печали.

Под кротким светом тех лучей,
Их вызванная властью,
Слагалась песнь в душе моей
Весне, любви и счастью!

Но навсегда померк тот свет,
И смолк тот голос милый:
Ни радостей, ни песен нет
С тех пор в душе унылой...

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

Нам звезды кроткие сияли,
Чуть веял теплый ветерок,
Кругом цветы благоухали,
И волны ласково журчали
У наших ног.

Мы были юны, мы любили,
И с верой вдаль смотрели мы;
В нас грезы радужные жили,
И нам не страшны выюги были
Седой зимы.

Где ж эти ночи с их сияньем,
С благоухающей красой
И волн таинственным роптаньем?
Надежд, восторженных мечтаний
Где светлый рой?

Померкли звезды, и уныло
Поникли блёклые цветы...
Когда ж, о сердце, все, что было,
Что нам весна с тобой дарила —
Забудешь ты?

* * *

Посвящается П. И. Вейнбергу

Так тяжело, так горько мне и больно,
Так много мук в душе затаено,
Что мне сказать уж хочется давно
Всему, что жизнью мы зовем: «Довольно!»

Грядущее сулит лишь ряд мучений,
Нужду, недуг, заботы без конца;
Не сгонит тень с печального лица
Своим крылом надежды светлый гений!

О, если бы хоть мысль, что не бесплодно
Растрачен был запас духовных сил, —
Что никогда я с тем, чего не чтил,
Не примирялся, гордый и свободный!

Но, нет! Раба бессилье наложило
Свою печать на все мои дела,
И лишь одно сознанье, что прошла
Бесследно жизнь, я унесу в могилу...

ПРИМЕЧАНИЯ



Настоящее издание содержит избранные стихотворения А. Н. Плещеева. Расположены стихотворения в хронологическом порядке. Текст сверен с последним прижизненным изданием сочинений Плещеева (Стихотворения А. Н. Плещеева. 1846—1886. Издание В. М., Москва, 1887).

Странник. Перевод эпиграфа: «Ах, когда же придет тот день, о котором я грезил, запоздалое возмездие стольких тяжелых дней? Никогда, — говорит разум». *Mоро* (1810—1838) — французский поэт.

Сон. Перевод эпиграфа: «Земля печальна и иссушена, но она снова зазеленеет. Дыханье злого не будет вечно проноситься над нею, как палящее дуновение». *Ламенне* (1782—1854) — французский писатель, проводивший в своих сочинениях идеи христианского социализма. Его книги «*Paroles d'un скoyant*» в 1834 г. были осуждены папой. Подвергался многочисленным преследованиям за свои выступления против монархии. В круге Дурова увлекались книгой Ламенне.

Левиты — в древнееврейском культе название священнослужителей. В стихотворении употреблено символически, подразумевается — наделенный даром пророчества.

Поэт у. Впервые — в книге 1846 г. Эпиграф взят у Барбье из его «Ямбов и поэм». Перевод эпиграфа: «Поэт должен быть возвышенным защитником права и гуманности». *Барбье* (1805—1882) — французский поэт, во время революции 1830 г. опубликовал свои «Ямбы», ставшие любимыми стихами революционной интеллигенции Запада и России. Петрашевцы (Плещеев, Дуров) увлекались творчеством Барбье. *Вaal* — библейское обозначение божества, культ которого был распространён в Финикии, Сирии, Палестине.

«В перед, без страха и сомненья». В пятой строфе последняя строка читалась так: «Простив безумным палачам», — цензура заменила эти слова. Во всех последующих изданиях Плещеев оставил исправленный текст.

Ответ. Впервые — в книге 1846 г.

Весна. Перевод эпиграфа: «Восторг и радость из каждой груди! О земля, о солнце! О счастье, о наслаждение!» Эпиграф взят из стихотворения «Mailied» Гете.

«Когда твой кроткий, ясный взор». Стихотворение относится к Л. З. Даневиль, жене подполковника В. Д. Даневиль, служившего при штабе оренбургского корпуса.

С. Ф. Дурову. С. Ф. Дуров (1816—1869) — поэт-петрашевец, организатор кружка, в который входили Спешнев, Плещеев, братья Достоевские, Григорьев, Монбелли и др.

Мой знакомый. Жорж Занд — псевдоним Авроры Дюдеван (1804—1876) — французская писательница. Леру, Пьер (1797—1871) — французский писатель. В 1843 г. основал земледельческую промышленную общину. После февральской революции 1848 г. в национальном собрании занимал место на крайней левой.

Посвящение. Стихотворение относится к друзьям-петрашевцам, с которыми Плещеев не порывал связи.

Дождевые капли (Из Морица Гартмана). Впервые — в «Московском Вестнике», 1860. Мориц Гартман (1821 — 1872) — австро-немецкий писатель. В 1847 г. выпустил «Новые стихи», воспевающие революционных чешских крестьян. Принимал участие в революции 1848 г. как крайне левый. Ему принадлежит получившая

громкую известность политическая сатира «Рифмованная хроника попа Маврикия».

«Честные люди, дорогой тернистою». Дата — 1863 г. Стихотворение это написано во время судебного процесса над Чернышевским и по цензурным условиям не могло быть опубликовано. К Чернышевскому Плещеев относился с глубокой любовью и уважением.

Памяти Е. А. Плещеевой. В конце октября 1857 г. Плещеев женился на Еликониде Александровне Рудневой, дочери надзирателя при Илецком соляном промысле. Е. А. Плещеева умерла в 1864 г. Ее памяти Плещеев посвятил книгу стихотворений 1887 г.

Слова для музыки (Посвящается П. Н. О — му). Многими композиторами — П. И. Чайковским, А. Г. Рубинштейном, Мусоргским, Аренсом и др.—стихи Плещеева положены на музыку.

«Так тяжело, так горько мне и больно» (Посвящается П. И. Вейнбергу). П. И. Вейнберг (1831—1908) — поэт и переводчик.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ СТИХОТВОРЕНИЙ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Стихотворения А. Плещеева. 1845—1846. СПб., 1846. Кроме оригинальных стихотворений, в книгу входят переводы,

Стихотворения А. Н. Плещеева. СПб., 1858.

Стихотворения А. Н. Плещеева (1846—1886). Москва, 1887. Последнее прижизненное издание. В сборник входят стихи из книг 1846 и 1858 гг. и переводы.

Стихотворения А. Н. Плещеева (1844—1891), четвертое дополненное издание, под редакцией П. В. Быкова. С.-Петербург, 1905. Наиболее полно представляет творчество Плещеева.

СОДЕРЖАНИЕ¹

А. Н. Плещеев. Статья Григ. Сорокина. 5

Стихотворения 1844—1846 гг.

Дума	29
Могила	31
«После грома, после бури»	32
Notturno («Я слышу: знакомые звуки»)	33
Песня («Выйдем на берег — там волны»)	34
Сосед	35
Странник («Все тихо... Тополи над спящими водами»)	37 199
Сон	40 199
Поэту («Кто не страдал святым страданьем»)	43 200
«Вперед, без страха и сомненья»	45 200
Ответ	47 200
«Страдал он в жизни много, много»	48
Звуки	50

¹ Первая цифра означает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Стихотворения 1856—1858 гг.

Весна («В старый сад выхожу я, росинки»)	51 200
В степи	53
Раздумье	55
«Не говорите, что напрасно» . . .	57
«О, если б знали вы, друзья моей весны»	58
«Когда твой кроткий, ясный взор»	59 201
«Есть дни: ни злоба, ни любовь»	61
С. Ф. Дурнову	62 201
Молитва	63
«Тобой лишь ясны дни мои» . . .	64
«О нет! Не всякому дано»	65
Птичка («Для чего, певунья птич- ка»)	66
Былое	68
Мой садик	70
«Ты хочешь песен, — не пою» . .	71
Сельская песня («Травка зеле- неет»)	72
«Когда возвратился я в город род- ной»	74
«Много злых и глупых шуток» . .	75
Мой знакомый	78 201
Счастливец	82
Посвящение	84 201
Сердцу	85
Песня («Тихо все, глядится ме- сяц»)	87
«Дети века — все больные»	88
«Что за детская головка»	90

Странник («Томит меня мой страннический путь»)	91
«Знакомые звуки, чудесные звуки»	93
«Ты помнишь: поникшие ивы» .	95
«Еще один великий голос смолк» .	97

Стихотворения 1859—1869 гг.

Опустевший дом	98
Лунной ночью	99
Призраки	101
Дождевые капли (из Морица Гартмана)	103 201
«Я у матушки выросла в холе» .	104
«Нет отдыха, мой друг, на жизненном пути»	107
Скучная картина	108
Облака	110
Нищие	111
Поэту («Пускай заманчив гладкий путь»)	114
«Блажен не ведавший труда» .	115
«Отдохну-ка, сяду у лесной опушки»	116
«Нет! лучше гибель без возврата»	117
Дети	118
«Завидно мне смотреть на мудрецов»	120
«О, не забудь, что ты — должник»	121
«Природа — мать! К тебе иду» .	122
Лжеучителям	124
«На сердце злоба накипела» . .	126
Отчизна	128

Ночь («И вот шатер свой голубой»)	130	
«О юность, юность, где же ты?»	131	
Родное	133	
«Солнце горы золотило»	135	
«Ночь пролетала над миром»	136	
«Бледный луч луны пробился»	137	
Советы мудрецов	138	
В лесу	140	
«Всю-то, всю мою дорожку»	142	
«Что ты поникла, зеленая ивушка»	144	
Умирающий	145	
Тучи	146	
Осень	148	
Ипохондрия	149	
«Где ты, пора веселых встреч»	150	
«Зачем при звуках этих песен»	151	
«Честные люди дорогой тернистою»	153	202
«Если хочешь ты, чтоб мирно»	154	
Памяти Е. А. Плещеевой	156	202
Облака («Я лежал на траве и глядел»)	159	
«Быстро тают снега, побежали ручьи»	161	

Стихотворения последнего периода

«Иль те дни еще далеки»	162
«Блаженны вы, кому дано»	163
Весенней ночью («Над росистыми лугами»)	165
Зимний вечер	167
Весна («Уж тает снег, бегут ручьи»)	169
Старики	170

Тосты	172
«Теплый день весенний»	174
Ночью	176
На берегу	178
«Расстался я с обманчивыми снами»	181
Памяти Н. А. Некрасова	183
Памяти А. С. Пушкина	185
Песня изгнанника	187
«Бурлила мутная река»	189
27 сентября 1883 г.	191
Из старых писем	193
Слова для музыки	194 202
«Так тяжело, так горько мне и больно»	195 202
 П р и м е ч а н и я	
Список основных изданий стихо- творений А. Н. Плещеева	203

